

ООО «Искра»,
МБУК «Лысьвенская библиотечная система»,
Литературно-поэтическое объединение
«Родник»

ОТЕЧЕСТВА СВЯЩЕННАЯ ПАЛИТРА

Сборник стихов победителей
XIV открытого поэтического конкурса
имени П.И. Шестакова

Выпуск одиннадцатый

Лысьва, 2018 г.

84(2Рос=Рус)6-43
О-82

Отечества священная палитра: сб. стихов, вып. 11 / ред.-сост. И.И. Михайлов. – Лысьва: ООО «Издательский дом», 2018 г. - 184 стр.

В одиннадцатый выпуск сборника вошли стихи победителей XIV открытого конкурса имени Поликарпа Ивановича Шестакова.

Организаторы конкурса - редакция «Искры», центральная библиотека, литературно-поэтический клуб «Родник» - благодарят за помощь в организации и проведении праздника управление культуры администрации Лысьвы, ООО «Издательский дом», Лысьвенский культурно-деловой центр, общественное движение «Родина Лысьва», ООО «Лысьванефтемаш», театр драмы имени Анатолия Савина.

СОДЕРЖАНИЕ

Учились, спорили, дарили книги	7
Доска почёта	10
Творчество жюри	
П. Малофеев	12
И. Михайлов	13
Н. Нечуговских	14
М. Решетникова	17
О. Чудинова	20
Основной возраст	
О. Банников	22
Е. Батураева	22
Д. Вдовенко	24
С. Гордеева	25
О. Дворянинова	26
Е. Журова	27
М. Зарубина	28
Л. Колесник	30
О. Крылова	33
И. Лит	34
А. Мальцев	36
Е Москвитина	37
П. Полозов	38
Г. Пудов	40
К. Санлайф	42
В. Сквер	43
Н. Тихонова	47
С. Усатых	53

Е. Чернова	56
Творчество старшего поколения	
М. Антипина	59
В. Бугрина	60
Р. Гардиев	62
С. Гринкевич	63
Г. Данилов	65
А. Дорожинский	68
Е. Кириллова	70
Н. Колмогорова	71
Т. Костицына	78
С. Леонтьева	78
С. Макарьина	80
А. Мартынов	84
И. Меркер	86
Н. Ошева	86
В. Поморцев	91
В. Прокофьев	92
В. Смоляков	94
В. Солдатова	95
С. Старков	95
Б. Трубников	100
Н. Шалыгин	101
Молодежное творчество	
Е. Андреева	103
М. Бордуновский	107
А. Бутылева	114
П. Великжанин	115

Т. Винокурова	118
Д. Гринкевич	120
М. Гринкевич	123
И. Гумыркина	126
О. Гунина	130
С. Зайцева	132
Ю. Зайцева	135
М. Затонская	137
Е. Капустин	140
Е. Капустина	142
А. Кинаш	143
М. Крутова-Кулинич	148
М. Нова	152
Е. Панкова	155
Пола	158
Д. Халикова	160
М. Чудинова	162
О. Шикито	163
А. Шурыгин	165
Юношеское творчество	
З. Бикмуллина	169
Е. Игнатович	173
А. Решетникова	174
А. Фабаровская	175
Детское творчество	
И. Выговский	177
А. Керова	178
Ю. Комаровская	180

Поликарп Иванович Шестаков - участник двух войн: с нацистской Германией и империалистической Японией. Кавалер орденов Красного Знамени и Отечественной войны. Автор нескольких книг, победитель областного фестиваля поэтического творчества «Земляки».

Поликарп Иванович был активным участником бригады фронтовиков, выступавшей перед школьниками и студентами. Его не стало в декабре 2003-го. В память о нём с 2004 года в Лысьве проходит открытый поэтический конкурс стихов самодеятельных поэтов «Отечества священная палитра». Он носит его имя и продолжает его дело.

УЧИЛИСЬ, СПОРИЛИ, ДАРИЛИ КНИГИ...

XIV открытый поэтический конкурс «Отечества священная палитра» имени П.И. Шестакова финишировал большим праздником в Лысьвенском культурно-деловом центре.

Участие в творческом испытании приняли поэты из 49 городов, сёл и деревень разных регионов России, а также стихотворцы из Казахстана, Украины, Донецкой Народной Республики и Беларуси.

Церемонии награждения предшествовали выставки, диспут и мастер-класс. Любители поэзии учились, делились опытом, спорили, обменивались книгами. Времени, как потом многие признавались, не хватило.

В большом зале собралось много иногородних участников, которые благодаря артистам ЛКДЦ с большим интересом знакомились с историей Лысьвы, с историей конкурса. Приветствовал собравшихся зам. главы администрации Лысьвы Владимир КОСТЫЛЕВ.

- Автомобильное путешествие в такую даль от дома у нас было впервые, - рассказал Владимир ПРОКОФЬЕВ, финалист конкурса 2017 г. (Уфа). - Очень понравилось и в Лысьве, и на празднике. Единственное, что огорчало, - мы были ограничены по времени и не могли

задержаться дольше. Интересно было посмотреть на коллектив любителей поэзии, добровольно и бесплатно взявших на себя титанический труд прочтения сотен текстов со всех концов страны и зарубежья и ежегодно повторяющих этот подвиг.

Очень понравилась литературно-художественно-танцевальная композиция. Всё смотрелось очень гармонично. Завидую такой организации церемонии! Регулярно бывая на уфимских конкурсах, могу констатировать: недотягивают они по своей полифоничности, богатству, я бы даже сказал торжеству разнообразных ответвлений культурного дерева, представленного на них, до Лысьвы.

На память от поездки остались компактный и красивый сборник стихов и тёплое чувство: там, в уральских горах, живёт и работает город настоящих любителей поэтического слова...

Первыми получили дипломы победители в номинации «Стихи о войне». Награды им вручали внук Поликарпа Шестакова, директор ООО «Издательский дом» Артём БАШАРИН, и представитель общественной организации ветеранов комсомольско-молодёжного движения Лысьвы Александр ШАТОВ.

Вместе с призами победители получили уже десятый сборник стихов по итогам конкурса, вышедший накануне в ООО «Издательский дом». Он был издан при поддержке

администрации Лысьвы, ООО «Лысьва-нефтемаш» и общественного движения «Родина Лысьва». Зал тепло приветствовал поэтов, поднимавшихся на сцену за авторскими экземплярами книги.

Вручение призов перемежалось с замечательными номерами лысьвенских солистов и коллективов, ярким чтением стихов победителей артистами театра драмы имени Анатолия Савина и их юными воспитанниками. Завершился праздник традиционной фотосессией.

- В Лысьве всегда всё очень хорошо организовано, - поделился впечатлениями Алексей ЯКИМОВ, обладатель Гран-при конкурса 2016 года (Горнозаводск). - Жаль, что не смог побывать на всех мероприятиях, ведь мастер-класс и диспут проходили одновременно на разных площадках. Мне было интересно и то, и другое! Артисты театра прекрасно читали стихи, но хотелось послушать и авторское исполнение.

Тем из призёров, кто не смог приехать из Горнозаводска, награды обязательно вручу. Детям - в классах на уроках, взрослым на собраниях коллективов. Чтобы все видели, знали и гордились!

**Игорь Михайлов, член правления
Пермской краевой организации
Союза журналистов России,
председатель жюри конкурса**

ДОСКА ПОЧЁТА

Гран-при – Сергей Старков,
п. Всесвятский, Чусовской район.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО:

Лауреат – Юлия Комаровская (Пермь);

Дипломанты – Илья Выговский
(Владивосток), Александра Керова (Лысьва).

ЮНОШЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО:

Лауреат – Зарина Бикмуллина (Казань);

Дипломанты – Анастасия Фабаровская
(п. Кормовище), Екатерина Игнатович
(Столбцы, Беларусь);

Спецприз жюри – Арина Решетникова
(Салават, Башкортостан).

МОЛОДЁЖНОЕ ТВОРЧЕСТВО:

Лауреат – Михаил Бордуновский
(Челябинск);

Дипломанты – Ирина Гумыркина
(Алматы, Казахстан), Марина Крутова-
Кулинич (Тверь), Дарья Гринкевич (Пермь),
Ольга Гунина (Березники);

Спецпризы жюри – Мария Гринкевич
(Пермь), Анастасия Бутылева (Пермь),
Марина Чудинова (Рассолёнки).

ОСНОВНАЯ НОМИНАЦИЯ (35-50 ЛЕТ):

Лауреат – Надежда Тихонова (Добрянка);

Дипломанты – Любовь Колесник (Ржев, Тверская область), Владимир Сквер (д. Коробцово, Ярославская обл.);

Спецприз жюри – Светлана Усатых (Александровск).

ТВОРЧЕСТВО СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ:

Лауреат – Надежда Ошева (Лысьва);

Дипломанты – Светлана Макарьина (Архангельск), Наталья Колмогорова (ст. Клявлино, Самарская обл.).

СТИХИ О ВОЙНЕ:

Лауреат - Евфросиния Капустина (Санкт-Петербург);

Дипломанты – Валерий Поморцев (Губаха), Марина Зарубина (Архангельск), Татьяна Костицына (Лысьва).

ТВОРЧЕСТВО ЖЮРИ

Павел МАЛОФЕЕВ, Лысьва
(Пермский край).

Висят в Сети бесхозные страницы,
И некому их, видно, удалить,
А Интернет – бездонная криница,
Что никого не может утолить.
И оставаться незачем, пожалуй,
И уходить-то, вроде, не резон...
Да хоть бы над собою ты заржала,
Душонка, осознавшая позор!..

* * *

Первоапрельский снегопад!
И не прикол, а всё по правде.
И я ему безмерно рад,
Как неожиданной отраде;
Отраде жить, отраде петь,
Дуреть на полную катушку,
И бред – не слушать, не смотреть,
А слёзы – это же в подушку...
Ведь горевать ещё не срок
И подводить итоги рано,
И вместо томности, милоч,
Давай-ка лучше за сопрано!

**Игорь МИХАЙЛОВ, Лысьва
(Пермский край).**

НУ ЧТО Ж ВЫ ТАК ЗАСЕНТЯБРИЛИ?

Карабкаются дни по сентябрю
Куда? Зачем? Ведь там же холоднее!
Я говорил и снова говорю:
Чем дальше, тем постылей и больнее.

Как непутёво все шагаем мы
От лета бабьего до ядерной зимы...

ОНИ ПОДСКАЖУТ

Вся душа заиндевила,
Ты попробуй – отогрей!..
Полыхают мозг и тело,
А душе – ну хоть убей!
Передоз адреналина.
Мышцы выдохлись. Совсем!
А душа - Ну в чём причина?! -
Отреклась и от морфем.
Я - ни жив, ни мёртв – шагаю,
А вокруг орут коты...
Божьи твари точно знают,
Что причина – это ТЫ!

ГДЕ ТЫ?

Как же все упорно мы шагаем
По дороге к смыслу бытия:
Версия отпала взвездная,
Прочь – официальная статья.
Мы хороним планы и надежды,
Отправляем мысли под сукно.
И, когда приходит безмятежность,
Открываем пыльное окно:
Шар земной остановился, замер!
Кажется, идиллия – вот-вот...
Женщина с зелёными глазами
Снова взглядом мир перевернёт!

**Наталья НЕЧУГОВСКИХ, Лысьва
(Пермский край).**

ВЕСЕННЕЕ

Опять весна! Бегу из дома
Единственным маршрутом в лес,
Где сосны – каждая знакома,
Где край сияющих небес.
Здесь раньше всех проснулись почки,
И воздух – как ценнейший дар.
Здесь, в чаще, на своём пенёчке,
Весенний я приму загар.

Долой безумство городское!
Здесь, в мудрой тишине лесной,
Я стану вновь сама собою,
Душевный обретя покой...

Нас сегодня обманула
Сдобно-спелая Луна.
В занавесках ночь уснула,
Захлестнула тишина.
Звёзды опустились ниже,
Мегаполис видит сны.
Ветер спрятался под крышей,
Спит, не чувствуя вины.
На пороге обувь сменишь,
Бросишь в угол свой рюкзак.
И за всё ещё ответишь
На рассвете, мой чудак...

С попутным ветром и дождём
Уйдём красиво.
Оставим страсти на потом –
Рванём с обрыва.
Расправив крылья - к облакам,
А может – наземь.
Уж если рай не по зубам,
То хватит грязи.

Чтобы с разбитым вдрызг лицом
И телом битым
Предстать на суд перед Творцом,
Слегка забытым...

В театр, на выставку, в музей.
А что осталось?
Уже редееет круг друзей –
Такая жалость!
Ушедших приняла земля,
Иные вхожи.
Бегут, как крысы с корабля,
Кто помоложе.
Они в достатке проживут,
Хоть и убого.
Своих уже не узнают...
И слава Богу!
Кто побогаче, кто бедней,
Кто полон лести...
Уже редееет круг друзей
С врагами вместе.

**Марина РЕШЕТНИКОВА, Лысьва
(Пермский край).**

СТИХОПРОЗА. КОЕ-ЧТО ПРО ЛЮБОВЬ

Мир катится в бездну, пахнет войной,
Он щерится ядерным жалом
С выходом из-за печки.
А она всё свои стихи, стишочки, словечки
Холит-лелеет, как малых деток.
Дарит им крылышек новых ажурь.
Ах ты, господи боже мой,
Ну есть же на свете такие дуры...
Но я любил её, правда, я так старался!
Выбривал виски вычурно
И цеплял на шею этот дурацкий галстук.
Писал посвященья и её фотки
Постил в Инстаграме.
Был снисходителен, аки бог,
К её подозрительной маме.
Но её корабль отчаливал
Ровно в полночь от пристани грёз -
И не колебёт, что бури!
Что вы смеётесь?
Всё это было именно так, в натуре!
И не спасал откорм креветками
И накачиванье шампанским до беспредела,
Она уплывала от меня всякий раз,
Как только ей всё надоело...

Я властвовал её телом,
А душа была где-то далече,
Как от Марса - Земля,
Как от раннего утра - вечер.
Я устал и ушёл.
Мир катится в бездну
С выходом из-за печки.
И сердце орёт, как кот,
Ища ушами её стихи, стишочки, словечки...

КРЫЛЬЯ

В косой полоске света на паркете -
Неверные, нетвёрдые шажочки...
И счастье - нет огромней на планете -
В ручонках растопыренных у дочки.
Восторг и страх в глазёнках – как у птицы,
Впервые небо пробующей смело.
Слезинки прячут тёмные ресницы.
И я боюсь. Боюсь, чтоб не взлетела.
Тусклее свет. С любовью – перебой.
Паркет рассохся... А у дочки – крылья.
Мне небо всё трудней держать душою,
Чтоб долгим был полёт её и сильным...

МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

Умирала в тёмном небе радуга...
Августа созвездия грустили.
Плакала монашенкой Елабуга
На твоей ненайденной могиле.
Глухо выли псы войны далёкие
Над твоим убитым юным сыном.
Как же ты там, в небе, одинокая,
Не зашла от горести, Марина?
Смерти нет уже умершим - заново.
Горя нет, стянувшим песне горло.
Отчего же бьётся птицей раненой
В сердце рифм твоих мятежных
гордость?

Отчего несправедная, пылкая,
Жившая неверно и по краю,
Бьёшься у виска живою жилкою,
Отчего совсем не умираешь?
Все читают, плачут над страницами...
Кто клеймит, кто ореол рисует.
Кудри золотые над ресницами...
Помню не ушедшую - живую.
Дотянись! Своих стихов горошины
Ссыплю на прозрачные ладони.
И скажу наивно и непрошено
Я тебе спасибо за огонь мой...

**Ольга ЧУДИНОВА, п. Кын
(Лысьвенский округ, Пермский край).**

Взгляд глубочайше-серый обнял легко
и нежно,
Дрожь прокатилась по коже сном,
пересказанным все...
Вдруг ощутилось остро: как же я сладко
тоскую
По дыханию и уменью - уходя,
возвращаться небрежно...
- Эй... Осторожней... Помада ж...
И тушь на ресницах. Полегче!
Да где там, не остановишь, не сдержишь
уже напора.
Перецелует, занежит, отпустит теперь
не скоро...
Парфюмом его пропахнув, забудусь.
И крыть снова нечем...
Домой возвращаясь, вспомню про зонт,
что на всякий случай
На дне моей сумочки дремлет и ждёт этой
самой встречи,
Что выплеснул синь-апрельский прозрачный
хитрющий вечер...
Дождик мой, здравствуй,
первый этой весной... И лучший...

Предательски-рассчётливый удар!
Не насмерть... Ноет в каждом сбитом нерве.
Черёмух пьяных нежный перегар
Замазывает рану дерзкой стерве.
И сплетен вольность шепчет всё о том,
Как сумасшедше-ветрено-шикарна
Она сияла, растворяясь в нём,
И как потухла вмиг игрой бездарной...
А ей плевать на всех! Ей под зонтом
Куда уютнее брести дождю навстречу.
Она вернётся в тёплый, с кофе дом,
Где их любимый плед разлуку лечит.
Она сильнее той самой себя,
Что вышла час назад из клетки рая.
Она уже не сможет, не любя,
Предательства солёность с губ стирая...

ОСНОВНОЙ ВОЗРАСТ (35-49 лет)

Олег БАННИКОВ, Соликамск (Пермский край), финалист.

НЕЗНАКОМКА

В волне. Непонятных историй.
Где явь: вместе - смех и слеза,
Зелёное платье, как море,
Зелёные грусти глаза.
Прибоем замочет дороги,
Волна заберёт меня в плен
От сердца, где женские ноги,
От плоти сведённых колен,
Где дух мой и нежил, и плавал
В безумстве пророчеств Кассандр.
Где страсть, как пленительный дьявол,
И я – твой морской Ихтиандр!

Елена БАТУРАЕВА, Горнозаводск (Пермский край), финалист.

БЫЛО И ПРОШЛО

Весенний день, и я гляжу назад.
Всё было, но ещё, возможно, будет.
Меня слова твои опять разбудят.
В окно заглянет полусонный март,

Денис ВДОВЕНКО, Пермь, финалист.

КИБЕРЛЮБОВЬ

Реальность стала слишком виртуальна,
А виртуальность - слишком хороша:
Она всегда нова и небанальна,
Вот только в ней отсутствует душа.
Мы любим, лишь когда мы в Интернете.
Мы верим, лишь когда заходим в чат.
Здесь все равны - и взрослые, и дети.
Клавиатуры бьют - сердца совсем молчат.
И чем правдивей будут суррогаты -
Тем больше будет в жилах киснуть кровь.
Уж лучше флирт на чувства небогатый,
Чем твиттерно-контактная любовь.

АНТИНОМИИ

Большой любви - солидные измены,
Большому мозгу - тяжкие проблемы,
Большой душе - великие дела,
Большому сердцу - жирная стрела.
Чем больше выбор, тем тошней свобода.
Чем меньше слов, тем красивей природа.
Чем слаще плоть - тем чище пахнет пот.
Чем плод запретней - тем скорей сгниёт.

**Светлана ГОРДЕЕВА, Чебоксары
(Чувашская Республика), финалист.**

День нашей встречи я назову
Днём Белых лилий.
Маками яркими будут те дни,
Когда мы любили.
Белым подснежником
Стали минуты,
Когда ты был нежен.
Искренность чувства
Напомнила вновь
Ландыша свежесть.
Дни те прошли, и увяли цветы
В день расставанья.
В сердце остался лишь холод зимы
Оконной геранью.

Слова просты,
Как цветы, как трава, как кусты.
Слова чисты,
Как леса, где не ходят люди.
Слова пусты,
Как дома, где живут люди,
Слова – мосты
Для двух одиноких судеб.

Ольга ДВОРЯНИНОВА, Лосино-Петровский (Московская обл.), финалист.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ФАКЕЛОВ

Я видела море и как полыхали скалы.
Наверное, Боги спалили моё огниво.
Я поздно пришла, я долго его искала,
В кромешной ночи порой озираясь пугливо.
На небе мерещатся звёзды.
А, может быть, это знаки мне?
Богам говорю серьёзно:
Я в поисках новых факелов.
Я видела души, прожжённые гиблой
пустыней.
Как жалко, что память уже увела караваны.
Планета, согретая Солнцем, однажды
остынет.
Во льды превратятся забытые миром
барханы.
Я верю в благие приливы
И строю ловушки из бакенов.
И всё-таки как сиротливо
Мне в поисках новых факелов.
Рождаются утром планеты. Я строю себе
дирижабль.
Но книги со мной не согласны и рушат
гипотезу,

Которая, если откинуть сомненья,
должна мне
Помочь очутиться на облаке розовом.
На куполе выцветут луны.
Уйдёт поколение сталкеров.
И только останутся думы
О поисках новых факелов.

**Елена ЖУРОВА, Горнозаводск
(Пермский край), финалист.**

Я - птица с вывихнутым крылом,
Летать мне очень трудно...
Ты поманил меня теплом -
Влюбилась безрассудно.
Ты чувствовал себя орлом,
А я - простая птаха...
Идёшь ты в жизни напролом...
Я - не пою от страха.

У меня октябрьская усталость,
Ты не понимаешь, что со мной.
Я врага за друга принимала,
Был он рядом летом и зимой.
За любовь не надо мстить, хороший...
Я тебя давно уже простила...
Тяжело жить с неподъёмной ношей...
Просто жаль, что я не долюбила...

**Марина ЗАРУБИНА, Архангельск,
дипломант в номинации
«Стихи о войне».**

Я – человек. Я жил на белом свете.
Шумели травы зябкие в росе.
Нам о войне сказали в сельсовете.
И я стоял, растерянный совсем.
Я не умел, но верил, что сумею,
И бил врага не хуже остальных.
А по ночам парил бумажным змеем -
В коротких снах - над избами родных.
Мне было страшно. Всякому солдату
Бывает страшно. Это не грешно.
Что выживают смелые – куда там!
Для смелых – всё до срока решено.
Бой тяжелей простой дворовой драки.
Кто скажет: «Нет», тот хвалится и врёт.
Я не стремился первым стать в атаке,
Но трусом – не был. Надо – так вперёд!
Не повезло. Всего с мизинец – стали
В проклятой пуле. Много ли? Увы.
Не повезло. Не повезло! Не стало.
Меня – не стало! Там, среди живых.
Мир... И весна. Цветы у обелиска.
И змей бумажный – в небе, высоко.
Кричат мальчишки. Кажется, так близко.
И с ними – мне спокойно и легко.

Метель открыла чистую страницу
В потёртой книге нашего двора.
Погода - вечный повод усомниться,
Редактор мысли, сказанной вчера.
Спросонья дворник, слов не выбирая,
Не без труда нащупывает брод.
За первой строчкой пишется вторая -
Всё те же тропы мучает народ.
Один чудака, нечаянный прохожий,
Пойдёт своим, неправильным, путём.
И будет прав! Но и не понят - тоже.
А если понят - всё-таки потом.
Привычка крепче брота революций.
Иные пальцем крутят у виска.
А между тем, в сугробах остаются
Наброски смысла, хрупкие пока.
В метельный день, однажды, этот кто-то
Напишет так, что вздрогнет высота,
Наполнив двор звучанием фাগота:
Достоин будь - дорога непроста -
Доверчивости чистого листа.

Море не знает даже,
Что обещают люди
С тонкой полоски пляжа
Пятнам на лунном блюде.

Люди ему не снятся.
Прошрое отражая,
Море хранит богатства
Звёздного урожая.
Мудрости и покоя
В нём бесконечно много.
Море - оно такое.
Море - к себе дорога.

**Любовь КОЛЕСНИК, Ржев (Тверская обл.),
дипломант.**

В Конаковском районе, засиженном
москвичами,
на природном лоне, вдали от сует и скреп,
где тоску сжигают водкой, томят печами,
от железной жизни устала опора ЛЭП,
и, вздохнув ослабшими рёбрами,
зашаталась,
опустилась на прописи сонных тетеревов.
Электричество кончилось, как и не
начиналось,
словно богом недопридуманная любовь.
Это далеко от меня, пусть сами башку
ломают!
Я люблю и верю, и кажется, что стою -
цельнометаллическая, устойчивая, прямая.
Но зима идёт, и чувствую - устаю.

Иду фотографировать насосы.
Ворота цеха выдыхают пар.
Начальник мят с утра и стоеросов -
ворчит, что КТУ - не божий дар,
и мы в конторе жизни не видали,
не нюхали тосол и креозот,
а то, что мне хороший фотик дали,
так дуракам, как водится, везёт.
Киваю молча, щёлкаю затвором
на брак железа и людскую тьму.
Тьма ширится. Нас подытожат скоро
по метрике, неведомой ему.
Я знаю точно: будет ближе к раю
не тот, кто сделал план по корпусам,
не он, не я, не труд, идущий к маю,
но белый пар, летящий к небесам.

В старинном светлом городе Торжке
цветёт осока в маленькой реке.
Пылят дороги, кротко тлеют церкви.
Всё, как везде: на памятнике - цепи,
я - на машине, в телефон смотрю
и пальцами с далёким говорю
неслышными и тайными словами.
Всё, как всегда: я здесь, но я не с вами.

Колдобины, отцветшая сирень...
Окно открыто. Панова свирель
перепевает радиобурду.
Я «в домике» рыдаю на ходу.
Так больно - но так правильно и надо! -
И сердце, переполненное адом,
под лепестками топится в реке
в старинном светлом городе Торжке.

И.П.

Завод - не в смысле предприятие,
а натяжение пружин.
Одно недолгое объятие –
и разойдёмся, побежим,
похмельные; не будет тропиков,
размытый город лёг в тених,
а ты не думай, сколько пропито
в моментах, людях, трудоднях,
и, затыкая губы горлышком
незрячим донцем к небесам,
запей горючей хиной горюшко -
то, из которого ты сам:
работа, сон, мероприятия,
башка, конечности, живот,
завод - не в смысле предприятие,
а в смысле - кончился завод.

**Ольга КРЫЛОВА, Губаха (Пермский край),
финалист.**

Расчитывать лишь только на себя
Нас заставляют слабые мужчины,
И мы, своё достоинство губя,
Рисуем, их рукой, себе морщины.
Как хочется надёжного плеча,
А не привычной монотонной пыли,
И чтоб любовь не в виде палача,
А в виде сильных и огромных крыльев!

- Я не надену это платье!
Пусть даже нечего носить!
На нём - какие-то заплаты,
Не заставляй меня просить!
Вздыхнула мама как-то тяжко
И вдруг сказала, не спеша:
- Ну хорошо, отдам Наташке,
У ней же нету ни гроша,
И мамы нет, и папы тоже,
Андрюшка только - старший брат.
Она спасибо скажет, может,
Её ж содержит интернат.
Она, когда у нас бывает,
Во всём старается помочь,
За обе щёки уплетает
Этот обычный «снова борщ»,

Она не станет кибиряться,
И слёзно вопли голосить,
Она наденет это платье
И будет с радостью носить!
Запомни, девочка родная,
Кому-то хуже во сто крат,
Но он, того не сознавая,
Всегда помочь бывает рад!
И если вдруг настанет туга,
И безысходности причал,
Ты вспомни истинного друга,
Что в детстве за руку держал!
Цени Судьбу свою отныне,
Любви, Добра желай другим!
Ведь нет у них и половины,
Того, что будет лишь твоим...

**Ида ЛИТ, п. Поварово (Солнечногорский
р-н, Московская обл.), финалист.**

Я – РУССКАЯ

Я – русская, и в этом, веришь, суть,
Приходит с каждым годом осознание:
С Россией продолжать нелёгкий путь –
Моё предназначенье и призвание.
Где тянутся святые купола
К прообразу небесного престола

Сквозь ярмарки людского барахла
И акций правового произвола.
Но в поле засинели васильки,
С Петрова дня – опять луга – к покосу,
И помнят ещё наши старики
Войну, что ворвалась тогда без спроса.
А прадед говорил всегда: «Держись
Прямой спиной, не вздумай опускаться,
А трудно станет – Богу помолись,
И дальше – жить, не смей ты
пресмыкаться!».
Воспели Русь герои и враги...
Сквозь все невзгоды жизни и паденья
Мне шепчут на заре березняки:
«Россия, мы достойны возрожденья!».

СТАРЫЙ ДОМ

Старый дом, мой родной старичок,
Пара комнат, котельная, сени.
И скрипит каждый вечер сверчок,
Нагоняя бездействие лени.
Три окна – ровно в ряд, в палисад,
В пышный вьюн, одичавшую розу.
А в малиннике – детский мой склад,
Где тайком – то, что взято без спросу.
У крыльца – старый чёрный чугун –
Поросятам готовая снеда.

И беседа о множестве дум
За огромным столом в час обеда.
По вечерней заре сквозь кусты
Тянет морду рябая корова.
Где-то щёлкают громко хлысты,
Завтра всё повторяется снова.
За забором – сплошной огород,
Вечный праздник земли плодородной,
Той землёй жив здесь русский народ,
Недоверчивый и сумасбродный.
Старый дом, мой родной старичок,
Этой жизни слепая надежда.
В нём давно не стрекочет сверчок,
Но живёт в моём сердце, как прежде.

**Алексей МАЛЬЦЕВ, Лысьва (Пермский
край), финалист.**

АЛЕЮТ РЯБИНЫ...

Алеют рябины на белом снегу,
Но скоро склюют их голодные стаи,
Алеют рябины, а я не могу,
Но знаю, что нужно тебя мне оставить.
Алеют рябины, искрясь и горя,
Кровавыми каплями в белых одеждах,
И я ухожу, навсегда уходя,
С любовью и с верой, с последней
надеждой...

**Екатерина МОСКВИТИНА,
Ростов-на-Дону, финалист.**

Нас познакомила зимняя улица,
Вьюга февральская, свет фонарей,
Вечер безлюдный, прохожий сутулится -
Холодно, надо домой поскорей.
Ты не спешила, от снега не пряталась,
Вдоль по пустому бульвару брела.
Следом летела метель лиловатая,
Словно с собой прогуляться звала.
Что за прогулки ночные с метелями,
С ветром колючим, слепящим глаза?
Здесь, под пушистыми снежными елями,
Остановись, возвращайся назад.
Голос негромкий, метелью ослабленный,
Всё же расслышала ты сквозь циклон.
Снег отряхнула движеньями плавными
И возвратилась в мой сказочный сон.

ГЛАЗ ПОДНЯТЬ НЕ СМЕЛ...

Глаз поднять не смел.
Хохотал во сне.
И никто не знал,
Что в душе - весна.
До утра бродил
И с ума сходил.
Так пришла любовь
Из волшебных снов.

**Павел ПОЛОЗОВ, Шебекино
(Белгородская обл.), финалист.**

Нет детства. Ничего не помню.
Окно в окне и холод. И балкон.
И где-то там, облизанная ветром,
Висела на верёвочке чехонь.
Сухие волны рассекали брюхо,
Сухие воды растворяли соль.
Душе не слышно окрика и стука -
Прошлось углами да и вышло вон.
Взлетела рыба и упала снегом
На хмурый лес, качнувшийся в воде.
Вода в воде качается, как эхо,
И эхом отзывается во сне.
Зовёт вода, а в тёмном небосводе
Качается пропащая звезда,
Как жёлтый лист на фоне колоколен,
Как отзвук, не звучавший никогда.
Воняет рыбой. Запах рыбьей смерти,
Холодной смерти, скользкой и пустой.
Ни выдоха, ни вдоха. Ветер чертит
Черты границ, где мёртвый и живой
Встречаются, прощаясь, отражаясь
В воде движеньем, шелестом листы,
Упавшей и опавшей в знак
Смятения
Души.

Вода темна. Вода не отражает.
Темна, как кровь, а может, кровь и есть.
Полна не боли - вскормленная болью,
Несёт обычный
Деревянный
Крест.

***«Я сложил свои рукописи.
Я покинул дом...».***

М. Яснов

Тернистый путь аутентичен.
Я сжёг свои книги и сделал шаг.
С чемоданом может каждый дурак,
А вот так -
Отражаясь в глазах у собак,
Уходить в горизонт,
Где ломается солнце,
И чёрным зонтом раскрываются совы,
Где у каждой души есть пароль и засовы.
Их приятно срывать и топтать,
Задыхаясь в слезах,
Чтобы после скрываться до боли в висках.
Я и так
Жил до этого в полутёмном подвале,
Где остывшие
И оплывшие нити вольфрама
Меня окружали

И сжимали в кольцо.
Я писал, несмотря ни на что,
Километры тоски и печали,
А теперь ухожу.
Мне жаль.
С перерезанным горлом фальшивой тоски
Ухожу на закат, где горят лепестки,
Только ветер разносит пожелтевшие,
Почерневшие эти листки.
В каждой книге
Есть мои отпечатки,
Есть возможность остаться без пальцев,
Есть возможность оставить язык.
Я прошу тебя:
Разучи же меня, наконец, говорить.

**Глеб ПУДОВ, Заречный
(Свердловская обл.), финалист.**

ЭКСПОНАТ

Дитя голубого полдневного зноя,
вкусившее влагу жемчужных морей,
застыла от взглядов чужих ойнохойя,
но помнит о родине дальней своей.

В кругах, треугольниках - пахаря нива,
в гармонии красок - талант и закон.
Кому-то закатное солнце приснилось,
и мог этот кто-то достать горизонт...

**«Давно, усталый раб,
замыслил я побег...».**

Пора, пора... Покоя сердце просит,
в душе скопился хлам,
и всё белее проседь,
пушистою волной прилипшая к вискам.
Эх, жить бы средь озёр неспешно, строго,
назло чужим словам
святые песни петь...
И, вымолив стихом прощение у Бога,
красиво умереть.

СКВОРУШКА

Зияют гнёзда чернотой -
никто в них больше не живёт.
Женился скворушка на той,
кого и дьявол не поймёт.
Прошелестела красотой,
пропела песен дивный ряд,
и улетела вдруг... С собой
взяла одиннадцать скворчат.
Зияют окна чернотой -
никто в них больше не живёт.
Женился я, увы, на той,
кого и дьявол не поймёт.

АННА

Никто (кроме банка) не вспомнит,
что жил я на этой земле,
писал свои книги, как Комнин,
в холодной декабрьской мгле.
О, Анна! Сквозь дымку Босфора
порою мне чудится лик
и голос чуть слышный, в котором -
величие древних владык.
И пусть, что никто и не вспомнит,
что жил я в декабрьской мгле
с желанием вечным, нескромным -
остаться на этой земле...
Что - я? И кому я был нужен?
Ведь дочь позабытых царей,
не зная ни холод, ни стужу,
следила полёт кораблей.

**Карина САНЛАЙФ, Жёлтые Воды
(Днепропетровская обл., Украина),
финалист.**

БЛАГОДАРИТЕ ЖИЗНЬ!

В минуту грусти и в минуту радости
Вы просто обращайтесь к благодарности.
Благодарите тех, кто Вам дарил добро,
Совет, Любовь, душевное тепло.

Благодарите наступивший день,
И солнца свет, и дождика капель,
Поющую мелодией звенящей.
И небеса, лазурью ввысь манящие...
Благодарите Матушку-природу
И Бога, нашего небесного Отца.
Луну и звезды, ясную погоду...
Пусть Благодарностью наполнятся сердца.

**Владимир СКВЕР, д. Коробцово
(Борисоглебский р-н, Ярославская обл.),
дипломант.**

Над прикидом пять минут колдовал:
с братом-солнышком играя вничью -
у рубахи оторвал рукава...
Будет холодно - обратно пришью.
Над обедом пять минут ворожил:
луговых надёргал ягодок в горсть;
мне чужие - в городах торгоши,
а лугам я - дурковатый, но гость.
Над собою пять минут хохотал,
отражаясь в молодильной воде,
и заплакал: крановуха-вода
где-то кончилась в трубе, в темноте.
Над обрывом пять минут подремал,
не боясь, что улететь можно вниз,
мне не выйти даже в чудвертьфинал,
но со мною делит солнышко приз.

Надо мною - ты... чудная... чуди:
пять минут буди меня тишиной,
а потом - куда захочешь, иди
по планете нашей, круглой, чудной.

РЕТРОГРАД

Мне трудно. Это лучше, чем никак.
Я плачу потом в лёд бронезилета.
Идёт в антропогенных ледниках
глобально-потепленческое лето.
Ты где-то. Это лучше, чем со мной.
Со мной опасно. Я - восьмая нота,
читай – непредсказуемо-взрывной,
крылато-земноводная пехота.
Мы - кто-то. Это лучше, чем никто.
Я, ретроград, отсыпал нектоградам,
одетым в мародёрские пальто,
шпигующим трупнину виноградом.
Он рядом. Это лучшее, что есть.
Он рядом! Понимаешь ли, о ком я?
Есть вести о тебе. Ты тоже здесь.
Летит Земля, строкой ложатся комья.

* * *

Ты не куплена словом «шопинг»,
ты не съедена словом «ланч».
Над Звездинкой звезда не в шоке,
ну а я приберу под плащ.

Я не против английской речи,
сам себя продаю вразвес...
Но индейцу стреляли в печень,
если помнишь, с английским: «Йес!».
Был и я дуоспикнут в инглиш
колонистом планеты Зет.
Ты быстрее меня постигнешь:
доллар – бэд, а светило – свет.
Совершай ты свои покупки,
отвлекаясь от бэд в обед.
Речедар – пусть целует губки –
су!
ма!!
сше!!!
дший!!!!
Не то что «мэд».

А женщин подогнали под стандарт:
ну вы же не пойдёте против тренда...
ах вы – сама себе... у вас там дар...
тогда не дарим вам абонементы.
Да-да, абонементы в модный зал,
где можно привести себя в порядок.
Где вам заменят волосы, глаза,
клычки, короче – всё, до кожи пяток.
Поставлена душа на каблучки,
где надо – оттопырено что надо,

зацокал манекен из-под руки,
к витрине, созерцать, как там помада.
Но это же – охота на слепых.
И донор поддержания порядка –
сбежит, сладёных сливок зацепив...
А мне солдатка помнится. Марятка?
Марютка! «Сорок первый». Фраза там:
из мяса одного мы, повсеместно.
Кто зрячий – не к отляченным задам
присмотрится, решая, где невеста.
Не надо – склада сэмплов красоты,
не надо, ни Анжелке, ни Парашке...
И ты – без ничего нужна мне ты,
ну разве что в одной моей рубашке...

СТОЛАКТИКА

Меня всю жизнь хотят «приосадить»
пустые клетки серенькой тетрадки,
они и впереди, и позади,
есть верхние, есть нижние порядки...
Но я, когда наскучит, ухожу,
сначала на поля, потом - с орбиты,
по письменной столактике брожу,
где автор - не весёлый, не сердитый -
тетрадок разных столько разбросал,
что - мама дорогая, не ругайся.

Среди знакомых слов на них: «Роса»,
«Любовь», «Добро», «Цветок»,
«Тургенев»... «Ася»...

А стол стоит у самого окна,
в котором столько звёздного простора,
что мне уже смешна, а не скучна
родная одноклеточная свора.
Родных не выбирают. Я ползу
под серую обложку, в тошный кризис -
любить... и ждать... ведь автором внизу
приписано: «Тетрадка-самописец».

**Надежда ТИХОНОВА, Добрянка
(Пермский край), лауреат.**

ОБО МНЕ

Бывали дни, казалась жизнь пустой
Подобно храму, где не верят в Бога.
Мир виделся унылым и убогим -
Тоска просилась в душу на постой.
Сквозь призму безысходности своей
Округу созерцать привычным стало.
Сама к себе испытывала жалость...
Что может быть противней и страшней?!
Никак нельзя заполнить тьмою свет.
Лишь только светом тьму наполнить можно!
Луч проникает в сумрак осторожно -
И темноты в помине больше нет!

Источник света - нежную любовь -
Я, неустанно взрачивая в сердце,
Смогла на веру в чудо опереться.
Мне захотелось сразу и всего!
Теперь вдыхаю жадно каждый миг,
Спешу любовью с миром поделиться.
Старательно на жизненных страницах
Рисую счастья радужного лик...

ТОЛЬКО БЫ...

Я бы, наверно, смогла полюбить морозы,
А по ночам научилась спокойно спать.
Я б перестала бояться судьбы полозьев:
Стала бы жизнь для меня - что родная мать.
Выбросив без сожалений старье из дома,
Я бы раскрасила стены мечтой своей.
Ласково, ненавязчиво - по-простому
В добрый мирок привечая родных людей.
...Я бы, наверно, нашла не одну причину:
Хочется верить в чудо, пока жива.
Только б однажды самый желанный мужчина
Смог с придыханьем любимой меня
назвать...

СОН

Мне сегодня Любовь приснилась.
Словно нищенка, шла в лохмотьях.
Одинока, почти - без силы.
Небо сыпало наземь хлопья...
Люди, что на пути встречались,
Не узнав, проходили мимо -
Равнодушны к чужой печали.
А Любовь, ко всему терпима,
Холод чувств без конца прощая,
Свет несла очерстевшим душам.
Не щадила себя, сгорая,
Лишь бы ближнему было лучше...
Убивали Любовь цинично -
Испытала она немало,
К бессердечью людей привычна.
И однажды Любви... не стало.
...Я проснулась в слезах от горя.
Мир казался чужим и шатким.
От кошмара очнулась вскоре -
Я люблю, значит, всё в порядке!

ЛЮБИ МЕНЯ СЕЙЧАС...

Пожалуйста! Люби меня сейчас!
Сейчас... Когда я в этом так нуждаюсь,
Пока иду навстречу, улыбаясь,
Пока горит в душе моей свеча.

Пожалуйста! Люби меня сейчас!
Пока к тебе протягиваю руки,
Дрожащие от холода разлуки!
Моя любовь не сгинет, не предаст!
Пожалуйста... Люби меня сейчас...
Ведь жизнь одна и слишком скоротечна,
Мы в этот мир приходим не навечно.
Не оставляй же счастье про запас.

Пожалуйста!.. Люби меня сейчас...

ЖДУ ТЕБЯ...

Жду тебя... Ожидание стало особым
смыслом.
В нём и радость, и боль: всё смешалось в
коммок единый.
Я, мечтая, рисую цветные картинки
в мыслях -
Так скучающим сердцем сливаюсь с тобой
незримо...
Неуверенно, как астматик, вдыхаю будни -
Бело-чёрные дни, что пульсируют еле
слышно...
Ты однажды придёшь и наполнишь мой мир
безлюдный.
Жду тебя... Ожидание стало особым
смыслом...

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Не пеняй на осень, глупая.
Что - погода за окном?
Пусть дожди носами хлюпают -
Хмарь запьётся коньяком...
Ты же так самоотверженно
Встречи с осенью ждала!..
Отчего тоской истерзана,
Жизнь как будто не мила?..
А печаль твоя глубокая -
Хоть себе не прекословь -
То - не осень сероокая.

...Безответная любовь...

* * *

Не хочу ничего... Пусть сгорает всё
в пламени адовом!
Стон уставшей души заглушу истерическим
хохотом.
Так случилось, что мир перестал меня
красками радовать,
Пошатнулся и рухнул к ногам
с оглушительным грохотом.
Говоришь, нездорова? Пускай! Мы из разных
реальностей.
У тебя на уме только шмотки, гулянки
да бантики.

Если честно, тошнит нестерпимо от этой
банальности.
Я из тех, кто себя называет последним
романтиком.
Мы пропахли кострами, стихами и добрыми
песнями.
По ночам мы ведём разговоры с далёкими
звёздами...
Ты же пичкаешь душу свою
меркантильностью пресною,
Всех гребёшь под один знаменатель,
не думая: можно ли?
Ты стоишь и смеёшься взахлеб
над моею наивностью.
И при этом не знаешь на вкус даже
запаха книжного...
Пусть кажусь я тебе иногда чересчур
примитивною.
Только знай, вопреки всем невзгодам
я всё-таки выживу!

**Светлана УСАТЫХ, Александровск
(Пермский край), обладатель спецприза
жюри.**

ЛЮБОВЬ И ДОБРОТА

Зелёным колдовством
Нас удивляет лето.
Цветочный хоровод
В лугах неповторим.
Наполнен волшебством
Прекрасный миг рассвета.
Лазурный небосвод
Так нежен и любим.
Божественнее нет
Природного величья.
Вселяют оптимизм
Тепло и красота.
И каждый день от бед
Спасают всех отлично
И продлевают жизнь
Любовь и доброта.
Бывает нелегко
Нам в этой жизни сложной.
И хочется порой
Всё бросить навсегда.
И спрятать глубоко
Обиду невозможно,

И чёрных мыслей рой
Нас губит – вот беда.
Но кто-нибудь возьмёт –
При встрече улыбнётся,
И грусть умчится прочь,
Исчезнет пустота.
На помощь друг придёт,
И засияет солнце.
Преодолеют ночь
Любовь и доброта.
Непросто всех любить,
Когда жестокость правит.
Непросто всех прощать,
Когда так много зла.
Но добрым надо быть,
И парус жизнь расправит.
И штиль – не грусть-печаль
Для крепкого весла.
Пройдёт немало лет.
Наступят перемены.
И мы осуществим
Заветную мечту.
Пока есть белый свет
Прекрасный, незабвенный,
Давайте сохраним
Любовь и доброту.

* * *

Зелёная даль золотистым отливом
Сияет, горит и народ веселит.
Художник небесный творит кропотливо,
И сладкие чувства – не лживый ксилит.
Сквозь тучную серость лучи проскользнули,
Красивые, яркие, будто во сне.
Макушки еловые нежно лизнули.
Вечерний пейзаж очень нравится мне.
Дождишка скупой перестал куролесить.
Пыльцу водяную зачем распылять?
Пора бы светилу большому чудесить
И в нас оптимизм небывалый вселять.

* * *

- Сигаретки у вас не найдётся? -
Незнакомец ко мне обратился.
Не стесняется и не смеётся.
Неужели от рук он отбился?!
В позапрошлом изысканном веке
Впору даме любой оскорбиться.
Изменения есть в человеке.
Слабый пол смог в куренье влюбиться.
Курят школьницы даже, студентки,
Педагоги, врачи повсеместно.
И в больницах смолят пациентки.
Жизнь грошовая вся?! Интересно!
Не обиделась я, не смутилась.
Не в новинку такое внимание.

Мысль простая в мозгах засветилась:
«Сигареты достойны изгнания!».
Никогда не бывало соблазна
За компанию вдруг затянуться.
Жить, как прежде, конечно, согласна.
Мужики сигарет не дождутся!

**Елена ЧЕРНОВА, Губаха (Пермский край),
финалист.**

Мне мама говорит: «Не забудь,
Что лет тебе ещё не очень много».
Душа же шепчет: «Кто-то вышел в путь
Ласкать ногами женские дороги».
Душа моя, клянусь, что не грешна,
Ведь жизнь мне улыбнулась ярким светом.
Я не брала за радость ни гроша,
Со всех сторон мне сыпались советы.
Я научилась счастье видеть в днях,
Смеяться, плакать просто без причины,
Люблю на совесть всё же, не на страх,
Вас обожаю, милые мужчины!
Вы платите мне тем же, видит Бог,
Любовью вашей жизнь моя согрета.
Романтика – искатель тех дорог,
Экзотика – любовь и жизнь поэта.

Не любимой быть, а маяться.
Так мне велено судьбой.
Не винить, а только каяться
Перед небом и тобой.
Что поделаешь, не венчана,
Не раба и не жена.
Просто так, чужая женщина,
Что во власть тебе дана.
А советы с неба – звёздами:
«Прогони его ты прочь».
Вечерами плачу поздними,
У меня в подругах – ночь.
Понимаю, что не венчана,
Разомкну ладоней круг:
«Разве я чужая женщина?».
А в ответ - лишь сердца стук.

Жизнь моя – всё ямы да ухабы,
То не с той ноги, то не с руки.
Знаю точно, сплетни – это бабы,
А уж если похоть – мужики.
Но, а может, разберусь немножко?
Вдруг да станет всё наоборот?!
Нет, опять: что женщина – то кошка,
А мужчина, без сомненья, - кот.
Быстро ярлыки себе мы лепим:
«Море по колено», «трын-трава».

Вслушаюсь же в этот детский лепет,
Постараюсь вдуматься в слова.
Оглянусь направо и налево
И поверю собственным глазам.
Если это женщина – то Ева,
А мужчина рядом с ней – Адам.

ТАК БЫЛО

Всё это было, помню, как сейчас,
Теперь присниться может лишь во сне:
Входила робко в самый первый класс,
С портрета Ленин улыбался мне.
Поток словесный лился со страниц,
Я доверяла ленинским глазам.
И гордость не сходила с наших лиц.
И радость со слезами пополам.
Мы с завистью смотрели на отцов
А дедам все внимали чуть дыша.
Ведь в пионерском кличе: «Будь готов!»
Нам слышался призыв Кибальчиша.
Иконы рассыпаются во прах.
Сейчас и стыд испытан мной и страх.

**Валентина БУГРИНА, с. Копально
(Чусовской р-н, Пермский край),
финалист.**

Я ТЕБЯ ЗАГАДАЛА

Я тебя загадала себе
Много рыжих рассветов назад.
Это было как будто во сне:
Каруселью кружил листопад,
Солнце прятало космы свои
За линялой косынкой небес.
На рябинах пылали костры,
И, раздевшись, подрёмывал лес.
Я в лице загадала покой,
Пониманье и ласку в глазах
И хотела, чтоб нас с тобой
Жизнь вела наяву - не во снах.
В сердце я загадала любовь,
Твёрдость в сильных, больших руках,
Чтобы жилкою вновь и вновь
Билась нежность в твоих словах.
Я себе рисовала мечту
На мольбертах – стволах берёз.
И водила рукой по холсту
Идеальностью девичьих грёз.
Я тебя излагала в стихах,
Повторяя тысячи раз,

На узорных кленовых листьях
Бесконечным потоком фраз.
Я тебя создавала в себе
С фанатичным упорством творца
И ловила в кругах на воде
Яркий блик твоего лица.
Мы повенчаны были судьбой
Много рыжих рассветов назад.
Только встретились поздно с тобой,
Когда день повернул на закат.

Я умею любить весело
Под потоками неба чистого,
В разнотравье лугов песенных,
Под аккорды дождей истовых.
Я умею любить сумрачно,
Жизнь твою пеленою окутывать,
Ревновать, исчезать и умничать,
И твои, и свои карты спутывать.
Я умею любить пламенно,
Белый день перепутав с полночью,
Загореться и жечь отчаянно,
И исчезнуть, оставшись горечью.
А хочу я любить обыденно:
Быть счастливой с утра и до вечера,
Чтоб в незримой дали и в видимом
Нам с тобою делить было нечего.

**Рифкат ГАРДИЕВ, Чистополь (Татарстан),
финалист.**

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ РУССКИЙ ЯЗЫК?

Общаюсь по-русски,
По-русски пишу
И мысли, и чувства
Излить я спешу.
По-русски рифмую
И ритмы ловлю.
По-русски ревную,
Страдаю, люблю.
Коль надо, на плаху:
Я - Родины часть!
Писать бы с размахом,
По-русски бы, всласть,
Как граф бородатый
На зорьке, босой,
Прошёлся когда-то
По травам косой!
Родной мой татарский
Отнюдь не забыт:
Волшебным лекарством
Он в сердце звучит.
Как посвисты птичьи,
Как солнце в окно,
Судьбой двуязычье
На счастье дано.

Я прошу: расседлайте меня,
На луга отпустите пастись.
На рассвете июньского дня
По росе я хотел бы пройтись.
Я когда-то на этом лугу
Жеребёнком веселым скакал.
Под седло, под хомут, под дугу
Не хочу! Изнемог я, устал!
Потускнела, почти расплылась
Та звезда, что сияла на лбу.
А когда-то я бегал, резвясь,
И в счастливую верил судьбу.
Необъятным казался мне луг.
Над рекою клубился туман.
Ширь степная лежала вокруг.
Ароматы сводили с ума.
Приближается, чую, предел.
Пожалейте трудягу-коня.
По росе прогуляться хотел -
Расседлать не успели меня...

Сергей ГРИНКЕВИЧ, с. Кын (Лысьвенский округ, Пермский край), финалист.

До хряща простыли родники -
Сквозь броню на свет не достучаться.
На крутых излучинах реки
Наледи туманами сочатся.

Известняк хранит и копит весть:
Впитывает порами порода
То ли пыль Вселенной, то ли взвесь
Голубых кристаллов кислорода.
Нитевидный пульс колючих звёзд
Без переливаний и инъекций
Прямотоком через линзы слёз
Холодит и замедляет сердце.

РЯБИНА

Чем тебя, моя радость, согреть я смогу,
Если выстыла до сердцевины?
Видишь: алые брызги на первом снегу -
Снегири оклевали рябину.
Я вспугну снегирей в заметённом саду,
Гроздь сорву и стряхну покрывало.
Не скажу про судьбу, но рябина во льду
Свою горечь к утру растеряла.
Красовалась всю осень, в себя влюблена,
Кто пригубит её - тут же бросит.
Догадайся, поди, что поспеет она,
Когда душу насквозь проморозит.
Горстью снег почерпну перебить этот вкус
Сладкой горечи и горькой сласти.
Посмотри, сколько нынче рассыпано бус
Снегирями по звонкому насту.

Не спеши, умоляю, себя отдавать,
Хоть последнюю гроздь сбереги мне.
Не скажу, «целовать» - хорошо пировать
Снегирю на замёрзшей рябине.

Как ни хмелят словесный бред,
Любовный жар и пыл дискуссий,
Как ни слепит восторг побед,
Но остаётся послевкусье.
Страстям быть пищей для стыда.
Душе - ландшафтом для экскурсий.
Лишь родниковая вода
Не оставляет послевкусья.

**Геннадий ДАНИЛОВ, Горнозаводск
(Пермский край), финалист.**

В ГОСТЯХ У ПРИРОДЫ

Надумали раз свиньи
 природу навестить,
Вдохнуть чтоб кислорода,
 воды речной испить,
Закат, рассвет увидеть
 не в смоге городском,
Набраться впечатлений,
 чтоб вспоминать потом.

А чтоб не скучно было
им время коротать,
Вина и пива, водки
с собой решили взять.
И вот они у речки.
Поляна. Лес. Цветы.
Визжат с восторгом хрюшки
от этой красоты.
Два дня они там были....
Загажен луг, трава,
Разбросаны бутылки,
лес пущен на дрова...
Из ярких впечатлений
похмельный лишь синдром.
Полгода вспоминали
потом они о нём.

Закончу без морали,
но просьбою одной:
«Пришёл к природе в гости,
не становись свиньёй!».

ЗАМОРСКИЙ ПИРОЖОК

Купила мама дочке
заморский пирожок
В красивой упаковке.
Мол, будет дочке впрок.

Когда несла подарок,
 он выпал и пропал,
Случайно к мышкам в норку
 гостинец сей попал.
Мать мышка современной
 и грамотной была
И перед тем, как скушать,
 состав его прочла.
Потом лишь упаковку
 изгрызли всей семьёй,
А пирожок зарыли,
 засыпали землёй.
Чтоб никому он снова
 на стол не угодил,
Чтоб никого пирог тот
 уже не отравил.

Мораль проста у басни:
 в покупках иногда
Бывает безопасной
 лишь тара. Не еда!

**Александр ДОРОЖИНСКИЙ, Сергиев
Посад (Московская обл.), финалист.**

Девочка с ангельским взглядом
Тихо подходит к окошку.
Вот оно, солнышко, рядом,
Трогает мягко ладошку.
Ей и тепло, и приятно.
Ласковый солнечный лучик
Весело и аккуратно
Тянется к ней из-за тучек.
Девочка с ангельским взглядом
Смотрит с улыбкой в оконце.
Многого ей и не надо...
Только светило бы солнце.
Только бы к маме, что рядом,
Нежно прижаться щекою...
Девочка с ангельским взглядом
Солнышко гладит рукою.

Пусть день начнётся с доброты.
И добротой закончится.
В нём станет больше теплоты
И меньше – одиночества.
Пусть день начнётся с красоты
В зеркальном отражении.
И станет больше чистоты
В душе и в окружении.

Пусть день начнётся с доброты.
И каждое мгновение
Чудесным светом с высоты
Несёт благословение.

В саду под бересклетом
Заплакала она.
Казалось, в мире этом
Она совсем одна.
И слёзы крупным градом...
И некуда идти...
Вдруг оказался рядом
Мальчонка лет пяти.
Спросил, как могут дети:
– Ты плачешь... Почему?
– Я не нужна на свете,
Наверно, никому.
Мальчонка что есть силы
Нахмурил детский лоб:
– А ты у всех спросила?..
Ну, убедиться чтоб...

**Елена КИРИЛЛОВА, Волхов
(Ленинградская обл.), финалист.**

Листьями упасть назначено,
Звякая, к изголовью.
Знаю: за всё заплачено
Было пречистой кровью.
И потому, уставшая,
Нежностью опалённая,
Бога в себе распявшая,
Им же одним спасённая,
С детской слепой беспечностью,
Помня восторг парения,
Я припадаю к вечности
Кожицей стихотворения!

Как я счастье своё не ценю -
Этот лес, этот воздух и дачу,
И порою раз десять на дню
Обижаюсь, тоскую и плачу.
Мама ходит с детьми во дворе.
У окошка открытого стоя,
Мне бы пчёлкой застыть в янтаре
Золотистого летнего зноя.

ДЕРЕВНЯ

Открыты вымытые сени,
По саду важно ходят кошки,
Кусты доверчивой сирени
Разжали влажные ладошки.
Душа устала быть пустою,
Как дом, в котором ветру вольно.
Здесь я ещё чего-то стою,
Здесь мне ещё хоть каплю больно.
На двери, что давно кривая,
Ещё осталась с детства метка...
Здесь я ещё чуть-чуть живая,
Как в воду брошенная ветка.

**Наталья КОЛМОГорова, ст. Клявлино
(Самарская обл.), дипломант.**

В КОКТЕБЕЛЬ

...А бросить всё и смыться в Коктебель,
Где сам Волошин рисовал пейзажи,
И, завершив земную канитель,
Стать местной чайкой на песчаном пляже;
Кормиться с рук у голой детворы
И лёгкий бриз ловить у кромки зноя...
Мне Коктебеля белые дворы
Приснились этой ветреной зимою.

Мне поселиться б раз и навсегда
Среди собратьев по перу и песне;
И чтоб не вопреки – благодаря –
Я состоялась в коктебельской пьесе,
Написанной волошинской рукой,
Где после эпилога – многоточье...
Всё также берег потчует прибой,
И время шелестит в часах песочных.

ДРУЗЬЯ МОИ УХОДЯТ НАЛЕГКЕ

Друзья мои уходят налегке,
С собою – только вечность и душа;
Так ветер, пробежавшись по реке,
Покой находит в дебрях камыша.
Друзья уходят... Блеск и нищета
Уйдут за ними вслед, в небытие...
Им ничего не нужно в тех местах,
Где ангелы с душой – наедине.
Мы все уйдём однажды в никуда,
В прихожей погасив неяркий свет,
Когда наступят в мире холода,
Когда рассыплет осень звон монет;
И белое безмолвие зимы
Нас зацелует допьяна и всласть...
А жизнь даётся нам с тобой взаимно,
Чтоб научить и падать, и взлетать!

Друзья мои уходят налегке,
С собою – только вера и свеча...
И прижимаясь рёбрами к реке,
Ещё скрипит влюблённый в жизнь причал.
Ещё плывут по небу облака
И в синей отражаются реке,
В тетрадь ложится грустная строка:
«Друзья мои уходят налегке»...

Я – КОМСОМОЛКА

Красный – революционный цвет!
Юбки, стяги, косынки...
Мне выдали комсомольский билет
На имя Стрелковой Иринки,
И Пашка, мой друг из девятого «а»,
Кричал, как придурак: «Ура!»...
А в среду мы с Пашкой вдвоём
Собирали металлолом
На нашей улице Северной;
Он подарил мне новый значок
С юным кудрявым Лениным,
А после
Неловко чмокнул
В худую холодную щёку
И сплюнул сквозь зубы – вот так...
Я ж говорю – дурак!

Пашке не очень-то верю...
Потому что на прошлой неделе
Он целовался с Вахитовой Нелли.
Эта Нелька – худа, как сарделька!
Хотя я ни разу не ела сарделек,
Но ненавижу всех Нелек...
У Нельки желтушного цвета лицо,
Как старая макулатура.
Я ей вчера показала
Свой сильный
Костлявый кулак
И трижды крикнула: «Дура!»...
Пашку, наверно, прощу...
У него и мамки-то нет,
А папка – гол как сокОл,
Поэтому, Пашка, наверно,
Взял и пошёл в комсомол...
- Ирка – от бублика дырка! –
Дразнится Пашка.
Я ж не буржуйский какой-то там
элемент
(Чтоб все буржуи на свете сдохли!).
Партия – ум, честь и совесть
Нашей эпохи!..
Думаю, скоро у Пашки
Будет партийный билет...
В партии быть хорошо!
Вон, армянин Ашот,

Степенный и важный,
Ездит на «Волге» даже;
Все говорят, у Ашота
В доме есть греча
И ларь шоколадных конфет,
И даже, ещё говорят,
Настоящий
Большой пистолет.
А дочка Ашота –
Огромная, как дирижабль,
А тётя Камилла –
Завскладом завода «Октябрь»,
И всем почему-то охота
Равняться на дядю Ашота.
Так шоколада хочется...
А мамка моя – обходчица,
Рельсы, шпалы, мазут...
На пальце её безымянном
Нет никакого кольца;
Потому что у мамки нет мужа,
А у меня – отца.
Мамка давно уже харкает кровью,
Встаёт по утрам еле-еле,
А мне завещает:
- Учись, Ирка,
Как завещал нам
Великий товарищ Ленин!
Я и учусь...

Только бы Пашка
Не называл меня больше
«ходячий мосол»...
Какое всё-таки счастье –
Быть принятой в комсомол!

ПАЛАЧ И АДВОКАТ

И светел ум, и помыслы чисты,
И, кажется, душа не очерствела,
Но с каждым днём всё молчаливей ты,
А может, это я перегорела?
Моя Любовь, палач и адвокат,
И генерал, и рядовой в запасе;
То сладостна, как мёд, то словно яд,
То солнечные дни, то дни ненастий.
Обличий всех твоих не сосчитать –
И приголубишь, и ударишь в спину;
То мачеха, а то – родная мать,
То воскресаю, то с тобою гибну.
Кричу в сердцах: «Уйди, не искушай!»
И тут же вслед молю тебя: «Останься...».
Я иногда лечу как будто в рай,
А иногда так плохо – хоть стреляйся.
Моя Любовь – единственный мой шанс
Остаться в этой жизни человеком,
Чтоб на вопрос: «Любили ль вы хоть раз?»
Ответить: «Да», прикрыв от счастья веки.

ТАКИЕ НЕСЧАСТНЫЕ СЛОНЫ

На ёжик вымерзающей стерни
Упали первородные снега...
Как будто африканские слоны,
Бредут по полю жёлтые стога.
Их путь далёк... Соломенные сны
Тревожат с каждым часом всё сильнее;
Погонщик-ветер со скирды-спины
Срывает дух последних тёплых дней.
Слоны по полю белому бредут,
Качая крутолобой головой...
Их в Африке давно, наверно, ждут,
Им тропики саванны – дом родной.
Им не страшны ни вьюга, ни метель,
Ни стужи безрассудной дурь и блажь...
А Африка – за тридевять земель,
Далёкая, как призрачный мираж...
Пусть этот мир неистов и суров,
Но даже в нём есть время для весны!
Мне в желтизне неубранных стогов
Мерещатся несчастные слоны.

**Татьяна КОСТИЦЫНА, Лысьва
(Пермский край), дипломант в номинации
«Стихи о войне».**

НЕ ЗНАЛ...

Не знал тогда он, в сорок пятом,
В боях кровавых за Берлин,
Где каждый день казался адом,
Что дома подрастает сын.
Ведь суждено: живым остался!
Домой вернулся, но без ног...
Он как ребёнок разрыдался
У новых кирзовых сапог...

**Светлана ЛЕОНТЬЕВА,
Нижний Новгород, финалист.**

Сквозь ткань прозрачную – вся я
Видна: рука, лицо, ключица.
А небо дивное кроят
себе на пух и перья птицы.
Ты руку трогаешь мою,
целуешь локоть мой устами.
Наверно, праздник. Говорю
про снег, что вывешен холстами.
Про этих птиц. Они давно
всё, что смогли, перекромсали,

рядится пристань в кимоно,
и камни рядятся в печали.
И пахнет воздух, как герань.
И каменную душу город
прикрыл, сияет только грань,
он ей, как темнотой распорот.
Ужель запомню я слова,
коль всё, что числилось за мною,
порушится! Рассвет едва
наш город обойдёт волною.
Названья улиц жгут гортань:
Почаинская, переулок Ясный.
В Крещенье Волга в Иордань
впадает, а не в гордый Каспий.
Как личная моя судьба –
вся Коромысловая башня,
через березник городьба,
мне рукавами веток машет.
Мы выпили его вино,
впитали кожей все дороги.
И в торбе дребезжат виной
мною унесённые тревоги.
А позже... Может быть, на Спас,
стирая пыль с окна и копоть,
пойму: миг лучшим был у нас,
где руку целовал мне, локоть...

**Светлана МАКАРЬИНА, Архангельск,
дипломант.**

Большая бабушкина кровать.
Болею свинкой.
Коммуналка – соседскими отголосками.
Даже когда температура спадает, нельзя
вставать,
из ниток плету косички на прутьях железной
спинки,
слушаю Корнея Чуковского.
Детский садик – родительское табу
с моим нездоровьем.
Старший брат уверенно пишет печатными,
а я изучаю одну в картонном наборе букв:
«А» – Айболит. Рисую косые палочки, хмурю
брови
и представляю барбоса в очереди с
волчатами.
...А где-то в Африке несчастных зверюшек
ничто не радует.
Я – бегемот с тяжёлой, замотанной головой,
компрессы ватные – словно большие уши. И
градусник... Вращаю ручку деревянного
радио.
Почти отличаю минутную от часовой.
Пока передача – я тихая и послушная.
Через двадцать лет: море детских фантазий
бурлит у диванных скал.

Беру «Айболита», кладу на колени, читаю.
Дочки сидят, с раскрытыми от удивления
ртами.
Им жаль страусят, и крупинки сахарного
песка
(а какой же ещё в Сахаре?) попадают в глаза
и тают
совсем не горючими, доверчивыми слезами.
А для меня – передышка.
Между ними разница – полтора,
и на моём пути – высоченно-житейские горы.
Дочки сами - как две мартышки.
Обе простыли вчера,
утирают носы, на пятках йодно-сетчатые
узоры.
Ещё через двадцать лет – на совершенно
ином витке:
не дом, а читальный зал для внучат.
Книги – на кухне, в спальне, в ящичке из-под
ниток,
даже в новом детском грузовике!
Внуки (уже повторяют любимое) наперебой
кричат,
требуют «Айболита».
Открываю и мыслями падаю, падаю, падаю:
бабушкина кровать с железными спинками,
коммуналка – соседскими отголосками,
деревянное радио,
болею свинкой,
слушаю Корнея Чуковского.

ОСЛИК

Бедные эти взрослые,
вечно они загружены.
Когда им сказать про ослика:
за завтраком или за ужином?
Мама и папа славные,
но убедить их сложно.
А дом для ослика – главное.
Без домика разве можно?
Не порезвиться в книжке,
даже таким нерослым.
Я в садик бегу вприпрыжку,
в садике ждёт мой ослик.
Буквы освою после,
в книжке смотрю картинки:
- Здравствуй, мой милый ослик!
Погладить тебя по спинке?
Хвост потерялся? Жа-а-алко.
Видно, крепёж непрочен...
Тебе бы прогулки в парке
понравились очень-очень.
Ты бы катал сестрёнку
(сестрёнка намного легче).
Я бы могла сгущёнкой,
кормить тебя вечер...
Но к детям, не фыркай носом,
животным нельзя без спросу.

...У мамы глаза блестящие:
- Ты понимаешь, Мира,
ослики, настоящие,
плохо живут в квартирах.
Ослику дома тесно,
он будет мешать соседям.
В субботу, честно-пречестно,
с тобой в зоопарк поедем.
С мамой уютно, возле.
Но дружба – для сильных духом!
- Нет, мама, мне нужен ослик
из книжки про Винни-Пуха.

* * *

Вот так и бывает: привяжешься,
словно к близкому человеку,
и выходит, не ты её слушаешь, а она тебя.
Не ты её впитываешь, а она...
Словно для чего-то тебе дана.
Так, что даже во время сна
перебираешь записи в «картотеке».
Вот так и бывает, не уйти:
возвращаешься за утешением,
воскрешением.
И не существует клише
её,
твоего...

Вмешательства чужды и тупиковы.
Только она станет твоей основой,
смыслом пути.
Вот так и бывает. Что-то на уровне бреда.
От нездешнего небосвода.
И всякий раз напоследок -
ожидание восходов.
Потому что ты и она - целое. Не эго, не иго.
Вы связаны каким-то вселенским сдвигом:
ты и эта обыкновенная книга...

**Александр МАРТЫНОВ, Лысьва,
финалист.**

ОСЕНЬ НА ПЕЧОРЕ

Залатала золотом закаты
осень, предвещая холода.
Стынут сединою перекаты.
В низком солнце зябнут невода.
Ясный вечер. Дымчатые дали.
Чёрный плёс. Дремучая тайга.
Облака в лазури догорали,
изморозь раскинув на луга.
Свет костра. Две лодки у обрыва.
Лай собак. И аромат ухи.
За рекой кричат без перерыва,
время перепутав, петухи.

Стайка уток торопливо к югу,
пронеслась бесшумно над водой.
Осень, осень обняла округу.
Чтоб её запомнили такой.

СО ВТОРОГО ПУТИ ОТПРАВЛЯЕТСЯ...

Хорошо бы сейчас сесть на утренний поезд
и в купе, одному, до звезды у окна
под колёсную звонкую повесть
полететь вслед за ветром. Сквозь день.

Дотемна.

Любоваться рекой, свежескошенным лугом,
дальним лесом, полями, закатом, и вот –
на холмах, от Луны - под бледнеющим

кругом

Неизвестная мне, деревенька мелькнёт.
Чай горячий, халва да роман на дорогу.
Мне его до конца не прочесть никогда.
Там любви и обманного счастья немного.
Лишь сердечная боль, от разлук - на года.

Ирина МЕРКЕР, Губаха, финалист.

ЯСНЕЕ ЯСНОГО

Яснее ясного, что жизнь прекрасная,
Идёт, красуется, собой любит,ся,
Шепнёт приветливо, мигнёт кокетливо,
Качнёт качелями, завьёт метелями,
Аукнет песнею в краю, невесть каком,
Не бесконечная, не дружит с вечностью,
Цени прекрасную! Яснее ясного!

Надежда ОШЕВА, Лысьва, лауреат.

Как горько сознавать в конце,
Что прожил ты неидеально.
Но жизнь, как белку в колесе,
Крутить обратно нереально.
О чём-то спорят облака,
И где-то мифы оживают.
А у кого-то два шага
Осталось, только он не знает.

Что за блеф подсознания:
Умирая - живу.
Вновь иду на закланье,
(Словно сон наяву).

То, считая ступени,
Прихожу в никуда,
И разбиты колени,
И в руках - не звезда.
Мысли, словно в остроге, -
Только «от», только «до».
Обратиться бы к Богу,
Но он так далеко.

Дорога, что проходит прямо,
Давно - тупик.
И жизнь, звучащая в сопрано, -
Всего лишь миг.
Освободи меня от боли
Вчерашних грёз.
А знаешь, страшно на юдоли
Враз и всерьёз.
Я позаимствую начало
У вешних вод,
И буду между тем, что стало,
И тем, что ждёт.

Снова похолодало.
Звёзды - достать рукой.
Чьей-то жизни начало,
Чей-то уход на покой.

Мы все уходим в небеса,
Кто раньше, кто немного позже.
У каждого - своя стезя,
Что на другие непохожа.
Мы мысли заберём с собой
И муки совести, наверно...
Там есть, возможно, свой прибор
И скрипка в маленькой таверне.

Я заштопала нитками белыми
То, что счастьем зовётся у нас,
Но стежками прошлась неумелыми,
Вот и штопка моя разошлась.
А на улице вьюга всё кружится,
Не устанет никак, егоза...
Я вопрос задаю:
– А нужно ли
Штопать то, что заштопать нельзя.

Всё погружается в вязкую тьму:
Крыши, деревья, шаги.
Ты не уступишь меня никому,
Хоть закричишь: «Помоги!».
Ты необъятна и так холодна,
С блеском далёких мне звёзд.

И незнакомкою смотрит Луна,
Вроде, шутя и всерьёз.
Тёмная ночь, я - осколок тебя.
Сердце, ты – боль и гранит.
И на губах замирает мольба,
И обрывается нить.

Нынче снега – греби лопатой,
И морозец уже всерьёз.
И прохожие воровато
От него закрывают нос.
День проходит, приходит вечер
Сторожить у окна меня.
На вопрос, словно мир, извечный
Не ответим ни ты, ни я.

Ухожу от друзей, замыкаюсь в себе,
Продлевая агонию странную.
Мир в четыре стены далеко от небес,
Далеко от источника главного.
Выбран путь. От идей, мимо призрачных
грёз,
Просек, в жизнях напрасно прорубленных.
Вдоль бесцельности дум и бессилия слёз
Отыскать недвусмысленно трудное.

Помолчи, неуёмная память,
И страницы назад не листай.
И прошедшее, словно гаммы,
Долгим вечером не повторяй.
Помолчи, понимаешь, время
Всё расставило по местам.
Впрочем, можно полицемерить.
Что ещё остаётся нам?

Выплакаться. Забыть.
Но не бывает так.
Вечное - быть, не быть -
Не временной пустяк.
Мучит тяжёлый сон,
Мысли идут внахлёст.
Скрипнет калитка – он!
...Пусто на сотни вёрст.

Опять мосты, опять сожженье,
Ну сколько можно всё сжигать!
Нелепостью стихотворенья
Мне боль свою не оправдать.
Ушёл и бросил. Да, банально -
Житейской мудрости урок.
А дальше пусть не идеально,
Но жизнь отмеривает срок.

На слёзы срок и на похмелье
От горя или от беды.
Срок на веселье и на зелье,
Что выпил, попрощавшись, ты.

**Валерий ПОМОРЦЕВ, Губаха, дипломант
в номинации «Стихи о войне».**

БЫЛЬ

Короткий бой стал затяжной
Для выживших ребят.
Он с ними – весь их путь земной,
И с ним – они стократ.
В атаку роту бросил лох
Иль тронувшийся псих.
Из ста семидесяти трёх (!)
Тринадцать (!) лишь в живых.
Винтовку встретил миномёт.
Летят рука, нога.
Кого-то пополам сечёт
Оружие врага.
Под Марианной эпизод –
Я слышал от отца.
Слезами сорок первый год
Смотрел с его лица.

СВОБОДА СЛОВА

Свобода слова - повсеместно!
Ну если... ну когда... уместна.
Касательно больших властей,
А равно - разных их ветвей,
Вплоть до последнего князька,
Их родственника иль дружка,
Иль «золотой» их молодёжи –
Нам правда боком выйти может.
Чтоб за слова не отвечать,
Увы, приходится молчать.

Владимир ПРОКОФЬЕВ, Уфа, финалист.

ЧТО-ТО ТИПА САШИ ЧЁРНОГО

В каждой девочке спит бабушка,
В каждой бабушке дремлет девочка,
Словно в коконе своём, бабочка,
Не меняется эта припевочка.
Остроглазые попрыгайки,
Больно в грудь упрутся коленками,
Облизав деревянные пальчики,
Земляничной покрытые пенкою.
«Всё равно ты не спал, ворочался!
Отвечай, когда тебя спрашивают:
Ты с работы когда воротишься?
Это правда, что смерть не страшная?».

Что могу объяснить я ангелу?
Отвечать перед ней, как в вечности,
Заглядеться в глаза фиалковые,
Отболтаться - верх человечности.
Рассказать самодельную сказку,
Рассмешить и отправить к маме,
Чтобы жарить на ужин колбаску,
И кормить ею мишек-гамми.
Рисовать новый мир фломастером,
Заселять зверями и куклами,
Становясь на все руки мастером,
Доморощенным, а не купленным.
Посреди игры остановится,
Устремляя взгляд выше форточки,
Всё на миг во мне разом взмолится
И душа упадёт на корточки.

ДЕВОЧКА

Что ты всхлипываешь, девочка,
сопли мажешь рукавом?
Улетела моя кепочка, возвращаться
не с чем в дом,
Мама строгая нахмурится
от таких вестей сильней,
Недовольно булькнет курица,
из кастрюли ей видней,
Что теряхой-растеряхою я гуляла во дворе,
Кот заохает, заохает: по осенней по поре,

Ходит девочка без капора,
без платка на голове,
Нагулялась и наплакала
день дождливый в сентябре.

**Владимир СМОЛЯКОВ, Губаха
(Пермский край), финалист.**

**Г. Карпова
О СОБЛАЗНАХ**

Ах, как бывает сложно устоять,
Когда соблазн маячит на пути!
Нет сил соблазну противостоять?
Так сделай проще – противолежи.

«О СОБЛАЗНАХ» (пародия)

Меня спросили, как я отношусь,
К соблазнам, что маячат на пути?
Скрывать не стану: я от них тащусь,
Не сдерживая чувства взаперти.
Меня не надо слишком соблазнять
Соблазнов уж давно я не боюсь,
Когда нет сил соблазну устоять,
Я, соблазнённый, рядышком ложусь.

Она -
вчера ещё -
заботливо
пекла пирог и жгла камин,
гостинцы лёгкие готовила
на встречу бабьих именин,
а нынче,
в холоде отвергнута,
летит в насупленную даль,
то ли в забвение обернута,
то ли запахнута в печаль.
И, сквозь тряпьё её обильное,
сквозь дыры -
сыплются с дождём
опалы зябкие,
рябинные,
и платья в бело-голубом,
и золото,
и акварельные
частички солнечной жары...
...Летит любовь,
теряя перья и
тобой невзятые дары.
А там, внизу,
ранимы холодом
и нескончаемым дождём,
стоят леса,
линяя золотом.
И дышат потным серебром...

НЕПРАВИЛЬНАЯ

Ей были мытарства богами отпущены,
дарованы сердце большое
и хлопоты.

Немного манерна...
немного распушена...

Но выше она осуждений и ропота.

Бывает,

слезами,

отборною руганью

иль твёрдой невыносимостью шёпота
всё выскажет -

мы замираем испуганно, -

но выше она осуждений и ропота.

Мы делим миры на Европу и Азию,

мы сами себя измеряем на золото,

она же -

на кофе,

любовь и фантазии,

и выше она осуждений и ропота!

И,

где-то завязнув в раскаяньи Каиновом,

мы ею растеряны:

«Какая неправильная!».

Затем,

насладившись победою Пирровой,

мы стонем вдогонку:

«Какая счастливая!»...

НЕ СТИХИ. СОБАЧЬЕ

Бегу, ощерясь и оцетинившись,
через марты и финиши,
между Камой и Кинешмой.
Пролезаю под железной дверью
между чудью и мерью,
Волоколамском и Пермью.
Трусю вместе с писающими облаками-
щенками
и лающими тучами-суками
с обвислыми голубыми сосками.
Что мне, собаке,
изгрызенной в драке,
ваши египты, сиртаки
и разные там титикаки?
Что мне, псу с ободранным боком,
ваш рай банановый с запахом мокко
и яблочным соком?
Мне подремать бы часок,
да кость (а лучше мяса кусок),
да подёргать суку за длинный сосок...
Где ты, счастье собачье,
похожее на резиновый мячик?
Уतिकло..., ускакало на юг, не иначе...
Хвост болит, отмороженный.
Дай-ка, цапну того прохожего!
Полегчает, быть может...

МИГ, В КОТОРЫЙ ПОЯВИТЕСЬ ВЫ

Откровения свыше...
Изумлённого дня арабеск...
Я почти что не слышу
этот голос прозрачных небес.
Лопотание неба -
тихий шорох аллеиной листвы...
Причитаю:
«Вот мне бы!..».
Но мои причитанья мертвы.
Я хочу раствориться
в жёлтой суши бегущего дня.
Я хочу раздвоиться,
чтобы всюду хватало меня.
Я хочу расколоться,
как Европа по Па-де-Кале,
и хватаюсь за солнце,
за лучи пригибая к земле.
...Вечер красит ресницы
в цвет обоев ночных казино...
Ничего не случится.
Ничего не случается,
но -
на фонарных аллеях
в индивении палой листвы
возношу и лелею
миг,
в который появитесь Вы!

**Борис ТРУБНИКОВ, Ростов-на-Дону,
финалист.**

ОКРАИНА

Живёте на окраине? Нас жизнь сюда поставила... Когда? Вчера, всегда... А с ней - душа и чаянья. А это, знаешь, - правильно, поскольку на окраине слагается судьба.

Домишки, палисадники да хиленький забор... Свои здесь были правила, собою быть заставила... Своя у всех окраина от детства до сих пор.

Про Ленина да Сталина... Всех помнит та окраина, где детство пионерское меня носило вскачь; там центром притяжения, без всякого сомнения, не партия и веянья, был нам футбольный мяч!

Есть родина-окраина... Среди полей, снегов... Когда душа оттаяла... и вот уже проталины... Уже и не окраина, – а мир без берегов...

Мы вышли из окраины... Ах, зная судьбу заранее... Когда бы не окраина, то как тогда бы вновь не осознал ты тайною: и позднюю, и раннюю, не к Франции, ни к Дании, - к земле своей любовь?!

ЭНТРОПИЯ ЭНЕРГИИ

В мире столько тепла... а его не хватает на всех... Леденящая мгла залезает в пальто и под мех... Не хватает одежд, чтобы всех нас спасти от простуд. Очень мало надежд на всеобщий и тёплый уют.

И космический холод гудит из под струн рок-гитар. Ты ещё слишком молод: ещё не попал на базар... И тебе горячо от её необузданных ласк. Обречённо влечёт в бездну тёплых и ласковых глаз.

В мире столько тепла... А на всех не хватает его... Глянь, крадучись луна похищает чужое тепло...

**Николай ШАЛЫГИН, Славянск
(Донецкая обл., Украина), финалист.**

НЕ ТЕБЕ

Замолчи, любовь! Замолчи!
Не кричи, душа! Не кричи!
Ей твой крик, что в пустыне глас:
Прозвучал – и в песках погас.
Не стони, душа! Не стони!
Не тебе горят в том окне огни.
Ей твой стон ночной, что собаки вой:
Прозвучал – и стих, в той ночи глухой.

Ты не плачь, душа! Ты не плачь!
Не теки слезой! Не теки!
Не несись туда, сердце, вскачь:
Ничего те там не найти.
Не боли, душа! Не боли!
Не тебе горит та звезда вдали.
Не гони туда так, не гони.
Распряги ты коней, отдохни.
Позабудь её! Позабудь!
Не тебе пролёг к её сердцу путь.
И хоть вой, хоть пой, хоть навзрыд рыдай,
Не тебе лежит та дорога в рай.

Мне душу мою жаль,
Мне жаль её безумно! –
За то, что умирает
Всё то, что в ней жило,
Горело, пело, ныло,
Рвалось на свет бездумно,
Смеялось и рыдало,
Сияло и цвело.
Теперь она, как роза,
Увядающая в стакане,
Стоящем у неё
На кухонном столе.
Со стеблем, преломлённым,
Что видится сквозь грани,
С бумагой разноцветной...
И пылью на стекле.

МОЛОДЁЖНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Елизавета АНДРЕЕВА, Пенза, финалист.

ПУСТОТА

Отпустите меня к пустоте!
Я уйду, как живая, - без страха!
С новым именем, с новой тоской.
Назовите меня пустотой!
В пустоте нет ни света, ни мрака...
В пустоте – ни рожденья, ни праха...
Ночь лежит на прозрачном холсте,
Ожидая волшебного знака;
И Луна, словно круглый дельфин,
В море неба ныряет, а день
Исчезает, оставив на крыше
Золотого луча парафин...
Оживают летучие мыши,
Оживают летучие звёзды...
Звёзды – фрукты. Из их сердцевин
Брызнет сок голубой, и неслышно
Слижет кошка летучая тучи...
Как обидно быть кошкой летучей!
Дождь на вкус – как смола. Как непросто
Подниматься всё выше и выше –
К пустоте, где всё чуждо и лишне...
Отпустите меня к пустоте!
Я уйду, как живая, - не важно,

Что с разорванным миром в груди;
Что без сердца... Пусть стонет протяжно
Гордый ветер в тумане, взлететь
Не сумевший, не оторвавший
Свою боль от земли... будем петь...
Будем пить голубые дожди...
Если нет пустоты, умереть –
Всё равно, что до края дойти
И вернуться другим... Это страшный,
Но единственный свет на пути...

Я знаю мир таким, какой он есть.
И это знание, увы, непобедимо.
И мне смотреть на этот мир невыносимо,
Мне слишком больно, слишком страшно
здесь...

Я боль читаю в лужах, наугад
Стреляю в зеркало воды, и отраженье
Танцует медленно, и робкое круженье
Тревожит рябью перевёрнутый закат...
Над ним склоняется уснувшая трава,
И тень пронзает гладь воды, как шпага...
Вода молчит. Молчанье, как бумага,
Уносит в вечность липкие слова...
Мне душно здесь, где травы все горьки,
Где в каждом стебле – горечь увяданья,
Где счастье – униженье, а страданья –
Превыше слов; где гибнут светлячки

Под жёсткими подошвами, где день –
Не день, а ночь уже не ночью,
А днём приходит! Может, просто хочет
На сброшенные маски поглядеть...
Вода молчит. Хотя могла бы петь.
Трава молчит. И обвивает руки...
И дождь с пространства слизывает звуки
И тушит тех, кто так хотел сгореть...
И я лежу над миром в тишине...
И я лежу над миром наизнанку,
И Солнце лижет красную сметанку
С моей ладони, словно красный снег...

Бездушный ветер гонит облака.
Судьба, как ветер, души гонит к дому.
Слова взошли на плаху языка,
И я теперь их слышу по-другому.
Мне ночь нужна. И ночь пока нежна.
Молчит Луна, распухшая от света,
И улица под ней - обнажена.
Я вижу душу каждого предмета,
Когда темно, когда, закрыв глаза,
Ощупываю словом каждый угол,
Когда могу бродить вперёд-назад,
Не ощущая севера и юга...
Пусть ночь уйдёт, земной закон таков,
В пучине мрака звёзды перемоем...

Мне нужен день. Он - скрытен и суров.
И он забыть о смерти не позволит.
Восток на запад бросит Солнца мяч.
Чем дольше я разглядываю лица,
Тем лучше понимаю: я - незряч,
И я нарочно жажду заблудиться;
Забыть себя и всё, чем я жила,
Не быть ничем, пытаюсь стать
хоть чем-то...

Уже летит смертельная стрела,
Уже готова траурная лента,
Сколочен гроб и сплетены венки,
А я живу, мне даже что-то снится...
Как паутинки, контуры тонки
Того, чему назначено случиться...
Бездушный ветер гонит облака.
Они летят, не думая о страхе...
Слова взошли на плаху языка,
И я - палач на этой вечной плахе,
И крови просит новая строка...

* * *

Серебряный плащ водопада
Повис на крючке синевы.
Мне снилась ночная прохлада
И звёзд одинокие львы.
Мне снилось, что в белом тумане
Взошёл над водой великан,

И был он залит облаками,
И был он спокойствием пьян.
Струилась вода еле слышно
Во всём, что могло быть водой.
В воде расцветали, как вишни,
Русалки, играя с бедой.
И белая-белая тайна,
Рождённая в тонкой волне,
Являлась, как будто случайно,
Уснувшей на камне Луне...

**Михаил БОРДУНОВСКИЙ, Челябинск,
лауреат.**

ВЕРЛИБР

Моё детство пришлось на смерть
Саддама Хусейна,
Помню трансляцию казни по телевидению.
Юность пришлось на смерть
Осамы бен Ладена,
Как там его убили, уже не помню.
В младенчестве началась вторая чеченская;
папа уехал,
Так до сих пор оттуда толком и не вернулся.
Сначала не замечаешь течения времени,
а потом
Оно начинает медленно падать, как
небоскрёбы в Нью-Йорке.

Сначала не замечаешь этого, а потом
Видишь, что люди, писавшие плохо,
пишут немного лучше.
Наткнувшись в ленте на чей-то пост о
похоронном деле,
Допускаешь мысль о том,
как хоронить своих.
За девятнадцать лет почти пересохло
Аральское море
И в любом супермаркете можно
платить безналом.
Из трамваев исчезли бумажные
ленты билетов,
Скоро исчезнут кондукторы, как исчез
Интернет по карточкам.
У отца в нагрудном кармане военной формы
Лежит моя фотография форматом
три на четыре.
Когда взбунтовался Донецк,
он хотел поехать,
Но помешала давняя рана колена и кто-то
там из знакомых.
Дед хотел служить на подлодке,
но зрение помешало.
В итоге пришлось податься в профессора
хирургии.
В детстве я думал, что стану плотником
или учёным,
Но не стану ни плотником, ни учёным.

Ровно через год после расстрела детей
в Беслане
Я отправился в первый класс, и отец
подарил мобильник.
На нём не было игр, но был он
довольно классным,
Потому что здорово пах сигаретным дымом.
Папа тогда курил исключительно
«Беломор»,
Сейчас не курит, говорит, перестали делать
хороший.
Моё детство пришлось на смерть
Саддама Хусейна.
Помню, мама закрыла ладонью мои глаза,
когда его вешали.
Через несколько лет, добравшись
до Интернета,
Из любопытства я посмотрел полное
видео казни.
Мама закрыла глаза ладонью, а я спросил
Что-то вроде: «Зачем это делать?» или
«Можно, я посмотрю?».
Но ответа не помню, потому что всё ещё
Сажу на диване перед экраном с глазами,
закрытыми ладонью.

Когда последний трамвай станет
железной сваей,
проезд в Челябинске станет по 50,
когда мне будет ни капли тебя не жаль,
тогда мы уедем в город, которого я не знаю.
Город-горизонталь.

Когда мои пальцы узнают ещё сто тысяч
поверхностей мира, а голос сойдёт на нет,
то мне не захочется думать о том, что было,
а тебе не захочется думать о том, что будет.
И будет свет.

Когда эти волны потребуют двух сосудов,
то мне придётся вдохнуть и пойти ко дну.
Вертись тогда шёлковой ниткой вдоль моря,
беги отсюда,
или тебя найдут.

Когда моей речью станет
что-то помимо речи,
когда мне позволит кто-нибудь не умирать, -
право на тишину станет правом последней
встречи,

правом выбора между тобой
и тобой вчера.

Как мне тогда выбирать?

Когда я открою все двери,
пространство не станет шире,
долго ли, коротко ли — вертись.

я ступаю на свой позвоночник.
не верим,
не дышим,
не — частица,
придающая слову противоположное
значение.
Собственно, где-то здесь должна начинаться
жизнь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Голоса в голове - как волна полноводной
реки.
Засыпай, человек, если руки твои нележки.
Поднимается ветер над лентами длинных
ночей.
Всё, что в жизни я встретил, оставил
с приставкой «ничей».
Запечатанный в банке с консервами серый
рассвет,
Ночь обходит меня стороной, как несмелый
сосед,
Над замочную скважиной чудится чья-то
рука.
Если кончится время, то сразу же после
звонка

Позвонил отец, поздравлял, попросил
заехать.
Был немного пьян и немного грустен,
второе - больше.
Забери, говорит, у меня лыжи горные, а то
без дела.
Забери, говорит, ты успеешь к концу сезона.
Заберу, говорю, понимая, что не успею
ни к какому сезону, а небо излишне синее.
Забери, говорит, ты сегодня на год взрослее.
Забери, говорит, с днём рождения, сына.
Боже, папа, тебя не любили ни мать,
ни жёны,
а теперь и на горных лыжах не покататься.
Боже, папа, какое синее небо,
как тебе в твои пятьдесят, если
лишь девятнадцать
лет назад родился единственный человек,
сумевший понять тебя.

**Анастасия БУТЫЛЕВА, Пермь,
спецприз жюри.**

БУДЕШЬ МИМО ПРОХОДИТЬ

Нам плохого не забыть,
Хоть кричала «Уходи!»,
Будешь мимо проходить –
Ты не бойся, заходи.
Нам плохого не вернуть,
Ни пока и ни привет.
Не даём себе рискнуть,
Не хотим узнать ответ.
Нам плохого не узнать,
Мы же в будущем живём,
Не хотим мы понимать.
Не хотим, и не поймём.
Нам плохого не забыть,
Я кричала: «Уходи!».
Будешь мимо проходить –
Просто мимо проходи.

**Павел ВЕЛИКЖАНИН, Волжский
(Волгоградская обл.), финалист.**

СНЕГОПАД НА РОЖДЕСТВО

Сшита рана меж землей и небом миллионом
нитей белоснежных.
Хоть порою не хватает хлеба – чаще
не хватает нам надежды.
Вроде бы, живём... А что-то надо,
что словами выразить непросто...
Целый век бы этим снегопадом бинтовать
душевную коросту.
Спрятал снег осеннюю разруху, и повсюду
вырастают сами
Изваянья добродушных духов с красными
морковными носами.
Ветер всем щелям допел колядки, впитываю
белых звонниц медь я.
Бьётся сердце в поисках разгадки,
ждушей часа два тысячелетья.
Светом звёзд костры-сугробы тлеют, чтобы
понял одинокий путник:
В мире стало тише и светлее, в мире стало
чутьточку уютней.
И не тает вера в то, что снова к нам
блаженство детства возвратится,
И кому-то нужно наше слово на пустой
нехоженой странице...

В ЕДИНОМ СВИТКЕ

Туман заполнил узких улочек листки,
Молочной тайнописи между строк подобен.
Слепцы-троллейбусы, держась за поводки,
Едва нащупывают Брайлев

шрифт колдобин.

А я сижу в одном из них, к стеклу припав,
Как в перископ смотрю из домика улитки:
Вокруг меня – семь миллиардов
смутных глав,
Что пишут – каждая себя – в едином свитке.

БАЛЛАДА О СОБАКЕ

На работу придорожной рощею люди шли –
кто с мыслями, кто без.
Вдруг с утробным лаем псина тощая
выскочила им наперерез.
Люди тормознули, шансы взвешивая:
электричка тронется вот-вот.
- Да она, наверно, просто бешеная! –
крикнул чей-то искривлённый рот. -
Бей её, а то сейчас набросится! Люто лает,
аж до слюнных брызг!
...Но над суеты разноголосицей жалобно
взлетел щенячий визг.

Шум затих. Все повернули головы:
 под кустом, на травянистой кочке,
Копошились маленькие, голые, и
 подслеповатые комочки –
Мира новорожденные жители...
 Замер торопившийся народ.
Расступился очень уважительно и пошёл
 тихонечко в обход.

КРЫЛАТЫЕ ПОРТФЕЛИ

Звонок прозвенел, и срываются классы,
Теснины дверей водопадами пеня.
Крылатых портфелей гремят маракасы,
Как марш перепрыгнутых в спешке ступеней.
Несётся из школы горластая группка,
Как будто из плена сбежавшая смело,
И кажется вновь, что одна только губка
Впитала с доски все премудрости мела.
Портреты, равняясь в настенном параде,
Глядят на людей, что в пустых кабинетах
Почти не видны за горами тетрадей
Контрольных, диктантов, задач и ответов,
Чьи лица вечерней усталостью блёкнут,
Чей почерк застыл на незримых скрижалях...
И ты понимаешь, что школьные окна
Всю жизнь тебя светом своим провожали.

ФРОНТОВИК

Обрезав будто речь о том, чья здесь вина,
Пустой рукав запавшим ртом сказал:

«Война».

Был год послевоенный лих: разор, расстрой.
Пришлось ворочать за двоих одной рукой.
Твердела мышцами рука, росла в кости,
И мало кто фронтовика мог обойти.
Жену он крепко обнимал, жил в полный рост,
И сын с руки его взлетал до самых звёзд.

Татьяна ВИНОКУРОВА,
Тверь, финалист.

Год пережив, ты годом пережён.
Родными мертвецами арестован,
В цветком растресканное лобовое
Вглядеться, подъезжая к городку,
Где призраки на каждой остановке,
Где прошлое в привычной обстановке,
И с фурой на Лозовом водопое
Толкаться в очереди к роднику.
Пятилитровку набирают долго.
Причастье убивает чувство долга.
Себя закрывший в опустевшем доме,
В столице мини-жизни, мира вне,
Там, где вдоль леса торговали клюквой,
Колонки горло извергало буквы,

А нынче пот в натопленном салоне -
Душа, стекающая по спине.
Теперь метёт. А думалось, всё верно,
Когда машину уводило влево,
Что Бог простит любимым всякий промах
И от беды закроет их собой.
Соседний двор. Незаводимый опель.
В окне знакомом - незнакомый профиль.
И мокрый снег в чернеющих проёмах
Зачёркивает всё двойной сплошной.

Д.

Чайка на проводе. Улица сонная.
В связке таблетка гремит домофонная.
Что тебя греет и что в тебе теплится
Долгие месяцы, долгие месяцы?
С каждой весной всё дальше от истины.
С каждой морщинкой становишься
искренней.
Рвётся терпения тонкая кожа.
Где тот порог, за которым всё сложится?
Августом вызрела мякоть арбузная.
Сядешь под витиеватую люстру.
В сердце кривая дремучая изгородь.
Вечно готовишь тягучую исповедь.
Кто же невидимый водит безбедного,
Доброго, кроткого, сорокалетнего,
По буеракам с заросшей брусчаткою
В центре с пустующей детской площадкою?

Утреннее дивное молчание.
Тонкие стволы в густой смоле.
Теплоход от пристани отчаливал.
Облако лежало на земле.
Белый шум под солнцем растворяется,
Умывает мир святой водой.
Светлый ангел в люльке просыпается.
У него спина - с мою ладонь.
Дудочка играет черногорская.
Ангел улыбается во сне.
Ждут добропорядочные взрослые
Счастья, приходящего извне.
Но небес бесхитростное таинство
Над людскою глупостью парит.
Дети есть прямое доказательство:
Счастье созревает изнутри.

Дарья ГРИНКЕВИЧ, Пермь, дипломант.

Ксенон обжѐг озябшие глаза.
День соткан из пустых противоречий.
Я больше всех свои слова назад
Хочу вернуть. И тем увековечить.
Слова-призывы-к-бою бередят
Продрогшую в декабрьской вьюге душу.
Я, бесконечно глядя вглубь себя,
Боялась слышать их... пытаюсь слушать.

Слова-призывы. Гордый бог огня
Свою победу объявил бесчинно.
А город, прорастая сквозь меня,
Менял свои бессчётные личины.

Пальцы. Прятаться. Раствориться.
Растекается, как туман,
Жажда радоваться, молиться,
Наполняя собой меня.
Остаётся. Расстаться. Резво
Расширяется, словно шар,
Мир, казавшийся нам железным.
Сложно петь, но легко дышать.
Мир крошится, а кольца дыма
Абсолютно впитал туман.
Миг объятий, необходимый,
Пойман был и сводил с ума.
Остаётся. Расстаться. Пальцы
Нежно водят по волосам.
И в последнем, прощальном танце
Заплетаются голоса.

Казалось бы, нет ничего, нет.
Но волосы - парусом. Бьется свет
Сквозь них. И сочится тугой дугой
В горячее облако под ногой.

Мой мир раскололся на «до» и «за».
Глаза - как колодцы. На дне - звезда.
Твой голос холоден и суров.
Но спрятаны истины между строф.
О, мир, разучившийся быть простым!
Ты жаждешь, приняв меня, распустить,
Как вязаный свитер, на нити ролей...
Как всех существующих на Земле.
Но свет мне предан, и ровен ряд
Из нитей мая и января.

Запах ёлки и мандаринов.
Одиночества терпкий запах.
На обочине дня остынуть,
Сесть измученно и заплакать.
Это счастье, такое счастье.
Словно в солнечном плавать море:
Оставаться всегда причастной
К волнам света, к цунами горя.
Моё счастье - дышать свободой.
Жить по солнцу. Души движеньям.
И на каждого, словно в воду
Глядя, видеть в нём отраженье.
Но ворвавшийся в мира призму
Её хрупкие рушил грани
Грубой силой слов. Мои истины
Были в сердце опасно ранены.

Расставание - йод на рану.
Исцелило, забрав всю силу.
Я на твёрдую почву встану
Средь болот и лесных массивов.
Средь сомнений, потерь, плутаний...
Я совсем потерялась в смыслах.
Те, кто бросил и кто оставлен,
Заполняют всецело мысли.
Всё собой затопили место.
Боль сознание затмевает.
В днях плутая, как в чаще леса,
Их осмыслить не успеваю.
Соберу цветы у обочин...
Двину в жизнь по дороге длинной...
Что-то щёлкнет, и мир отскочит
В запах ёлки и мандаринов.

**Мария ГРИНКЕВИЧ, Пермь,
обладатель спецприза жюри.**

Стынет в лужах вода. Стонет ржавая дверь.
Серебристые капли дрожат на траве.
Старый тополь качается, серый, прямой.
Я же гостем теперь возвращаюсь домой.
Холодна и бездонна стеклянная синь,
В ней раскинулись сочные грозди рябин.
Но печалью сквозит возвращенье моё,

И подмешана горечь в еду и питьё.
У обочин дороги - замёрзшая грязь,
И сплетаются ветви в узорную вязь,
Мне даётся лишь день, а назавтра опять
Вместе с корнем себя из земли выдирать!
Скоро, скоро рассыплется радостный мир,
Лопнет ясное небо, как мыльный пузырь,
Треснет хрупкою льдинкою под каблуком,
Где-то в горле засядет колючим комком.
...Тронул иней гнилой деревянный настил.
Кисть рябины наутро мороз подсластил.
Если мякоть мороженых ягод нежней,
То и память смягчится с течением дней.
Пересилю озноб и болезненный жар
И приму эту горечь, рябиновый дар.
О, мой сказочный дом - крепость и колыбель!
Время не прикоснётся отныне к тебе.
Будет в лужах вода, будет старая дверь,
Будут ветви рябин шелестеть в синеве,
Будет птица стучаться в оконный проём,
Буду гостем отныне я в доме своём.

В эту ночь опять не сомкну я глаз.
Спелым яблоком ляжет в траву звезда.
Вспоминай обо мне, и в безлунный час
Пусть улыбка тронет твои уста.
Я лежу в темноте, погасив ночник,
И боюсь шевельнуться, боюсь дышать.

Судьбоносным кажется каждый миг,
Неслучайным чудится каждый шаг.
Отвяжи мою лодку, пусти по воде.
Холодна и печальна осенняя даль.
Стоит куст ольховый веслом задеть –
Каплей ртути стекает звезда с листа.
Вереницею птицы летят на юг.
Я считаю до ста и ещё до ста.
Вспоминай обо мне, и в далёком краю
Пусть улыбка тронет твои уста.

Синицы тенькают, волнуясь,
Синеют тени на снегу.
Неторопливую весну я
Нетерпеливо стерегу.

Обледенелые ступени
Неверный шаг наверх ведут,
Где солнца луч и птичье пенье
Дробятся искрами во льду.

И отправят снова в низину жизни
гореть свечой
Для заблудших всех, кто стоял у края
к плечу плечо,
Но свершить полёт не хватило духу,
а может, сил.
Для таких он будет ярчайшим самым
из всех светил,
Поведёт туда, где ветра поют
у подножья скал:
«Слушай, слушай, не это ли
ты всю жизнь искал?
Посмотри: вода, что о камни бьётся, -
живей живых».
А когда заплачет скиталец, станет
в ответе тих,
Он прижмёт его, как дитя больное,
к своей груди.

Неисповедимы к простому чуду
в миру пути.

– Ничего нет страшней,
когда снег в храме идёт.
Из к/ф «Андрей Рублёв»
А. Тарковского

Ничего нет страшнее снега в остывшем
храме,
Где озябший младенец жмётся безмолвно
к маме,
А она накрывает деточку покрывалом,
Чтобы чадо её не увидело, не узнало,
Как черна эта гарь, и что нечему больше
верить,
Чтоб не слышало, как стучатся снаружи
в двери.
«Не пущу, не отдам - без того непосильна
ноша.
Уходите же прочь! Засыпай, мой родной,
хороший».
А за стенами храма сыплются с неба беды:
То татары за осень трижды, то люд
без хлеба
Третью зиму влачит свой крест, да молчит
и терпит,
Не боится уже ни чёрта, ни лютой смерти
И простой колокольный звон называет
чудом.
Вымерзает земля окрест, и каменье в груды

Всё растут и растут над ней безымянным
рядом.
С головой накрывает мать безголосое чадо,
И звенит тишиной колыбельная по округе:
«Засыпай, мой хороший, больно уже
не будет,
Всё закончилось - больше никто не придёт
за нами».
...Ничего нет страшнее чёрного снега
в храме.

Я нарисую море, на море - закат:
Жёлто-оранжевый шар над чертой
горизонта,
Светятся волны, как будто бы сотни лампад
Ярких, подводных зажѐг невидимый кто-то.
Ветер притих на самом краю холста,
Словно боясь прикоснуться к небесной
глади,
Где отражается море, а в море - закат,
Который рисую я для тебя и ради
Счастья смотреть на счастье из ничего,
Что не исчезнет, как это солнце вскоре.

Только б хватило красок закончить холст,
Чтоб подарить тебе твоѐ личное море.

**Ольга ГУНИНА, Березники
(Пермский край), дипломант.**

Если лечь на полу майским вечером
И дышать синим светом окна,
Можно видеть, каким переменчивым
Будет мир в ожидании сна.
Старый тополь, раскинув объятия,
Смотрит ввысь, опьянев от весны,
И чернеют в жемчужном сиянии
Только венчики первой листвы.
Небо шумно вздыхает над городом.
Аметистовый мрак облаков
Изливается шепчущим холодом
На тепло беззащитных голов.
Ливень стих, и вернулись прохожие.
Жадно пьёт, пробудившись, земля.
Свежесть веет, немая, тревожная.
Льётся в сердце и через края
То, что жаждем почувствовать в воздухе,
Но боимся спугнуть, робко ждём.
Счастье тихо танцует по комнате,
И шаги его пахнут дождём.

БЕЗДНА

Мне снилось, что ты держишь мою руку.
Темно и тихо в комнате. Не важно,
Что шар земной вращается по кругу,
Нелепый, одинокий и отважный.
Способно время языком наждачным
Слизнуть и переплавить, не глотая.
Ночами небо кажется прозрачным,
Случайно взору смертных открывая
Немую и безжалостную вечность,
Поля Аида, полные тенями.
Над головой - пустая бесконечность,
И та же бездна плещет под ногами.
Но верен якорь призрачной надежды -
Биение тепла в родном запястье
Трепещет перед чернотой, но держит
Над равнодушной и холодной пастью.

ОТШЕЛЬНИК

Наконец, мой сердечный друг,
Я могу говорить свободно.
Лист опавший рисует круг
На изменчивой глади водной.
Блеск озёрный уходит вспять,
Открывая пустую отмель.
Так однажды утратит власть
Ваш божественно тонкий профиль,

Став преградой для бегства глаз
К невесомой черте заката.
Одиночество - не отказ,
Но пространственный трюк возврата
К временам тишины и сна,
Столь привычным нам до рожденья.
Берега на исходе дня
Захлебнулись холодной тенью,
В собеседниках - только ночь,
Однозвучны и мысль, и слово.
Я гоню наважденье прочь,
Но рассудок мутится снова,
И в забытом людьми краю,
Где мечтал обрести свободу,
Неизбежно Вас узнаю
В каждой нежной черте природы.

Саша ЗАЙЦЕВА, Новосибирск, финалист.

Светловолосый мальчик,
спрячь нас в синем
снежном шаре,
поставь на
книжную полку
у окна.
Будет скучно -
подними поутру шторы,

старую заведи пластинку,
потряси наш мирок
и увидишь,
как начинается пурга.
Маленький человечек
живёт в домике с красной крышей,
играет на белой дудочке,
глядит на летящие блёстки,
и никогда
не проходит
зима.

Светловолосый мальчик,
смотри, какая счастливая девочка
стоит посреди снега,
задрав голову к стеклянному небу,
смотрит тебе
в глаза.

Светловолосый мальчик,
сделай погромче музыку,
сделай погромче
свою прекрасную музыку,
и мы услышим,
как наступает
огромная, вечная,
органная
тишина.

Красного дерматина
семьдесят семь неудобных стульев
в зале районного
Дома культуры,
семьдесят два - пусты,
лес - за правой стеной,
за левой -
другая планета,
ступай туда,
где нет ничего,
кроме белого снега
и белого неба,
где пахнет
надеждой
и дымом,
и фиолетовый пёс
бежит за
девочкой
с шариком
синим,
семьдесят семь
старых стульев,
семьдесят три -
пусты,
в кадках деревянных -
цветы,
танцы каждый четверг,

по воскресеньям -
кино,
вот ещё трое
встали и
ушли,
и ты,
животом
прижимаясь
к жёлтому боку фоно,
дышишь музыкой,
которая стихла
давно.

**Юлия ЗАЙЦЕВА, Гаврилов-Ям
(Ярославская обл.), финалист.**

ФЕВРАЛЬСКОЕ

Поздний снег дорожит февралём так, как я -
тобой,
что-то непоправимое чудится снегирю.
Замерзает наш город, прижавшись к трубе
трубой,
фонарём к фонарю.
Мне достать бы бесценных минут,
чей синоним - ты,
распихать по карманам, по ящичкам
рассовать

и учиться быть неразличимой у темноты,
а у тайны - молчать.
Замереть, словно тать, затаившийся после
краж,
и на счастье смотреть, и бояться его
сморгнуть.
Только жаль - бесконечности нет, вот и
город наш
отгоняет весну,
но бежит серафим*, ни секунды не дав
взаймы.
Тонок лёд на реке, с треском рвётся её
киста,
улетает снегирь, и, почуяв болезнь зимы,
снег шагает с моста.

* огненный серафим – Солнце.

БУКВИЦА *Д.Л.*

Будь по-твоему: «Мама, купи собаку»
не познать мне. И время бездетно тоже:
ни семьи, ни пристанища - только знаки,
как дворняги голодные, душу гложут.
Нынче буквы взрослее Иерихона,
чуть забудешься - охаешь на латыни.
Припадаешь к безбожнику: «Ессе homo!»,
обнимаешь колени своей святыни,

чтобы после каликой идти по миру,
удивляясь свободе, как осуждённый -
высшей мере. Ответь же, Святой Димитрий,
как вмещается Слово в твои ладони?
Нынче буквы увесистей монолитов,
пригибают к земле и сутулят спину.
Я таскаю к иконе твоей молитвы,
но боюсь, что на церковь не хватит глины.
Будь по-твоему, делай со мной, что хочешь,
высекай на душе моей голос Божий.
Убаюкаю прошлое, словно дочку,
и пойду - дура душой - по бездорожью.

**Мария ЗАТОНСКАЯ, Саров
(Нижегородская обл.), финалист.**

Пусть наступает лето, на горло, на пятки -
вслед за весной.
буду пчелой желтогривою, не стесняющейся
наготы.
Знаешь, ведь даже воздух - и тот -
дышит, как я,
тобой.
Ты поднимаешь голову,
а на губах у тебя - цветы.
Мне - опылять их, сверкая на солнце
брюхом из янтаря.
Ярче нарциссов и одуванчиков - глаз твоих
маяки.

Остановиться - не страшно, и всё же -
вспыхнувший, как заря, -
не остывай. Не выцветай.
Не отпускай руки.

Под вдавленным стулом с разъехавшимися
ножками
сжался, обняв колени, сидит - калека.
В дырявых ботинках и сюртуке поношенном -
чёртик худой
моего печального эго.
Куцый, скукоженный, с выпученными
глазами.
Вылезет - вздуется, крякать начнёт, как утка.
Сам себя восхваляет и сам же - ранит,
в этом эго и сила, и слабость жуткая.
Сам себе - плаха,
венец
и ступени к паперти.
Взбесится - прыгнет, с размаху все двери
выломает.
Маленький дьявол, введённый в меня
подкожно, и
он успокоится, может, поймёт, что хватит
мне.
Если сам у себя прощение вымолит.
Но это, пожалуй, будет самое сложное.

Я стала моложе и, может, немного добрее.
С годами стареть не выходит. А разве надо?
Я вижу, как лето прохладную землю греет,
пока на соседнем балконе растёт рассада
и сушатся детские вещи между деревьев
на толстой верёвке, как раньше, у наших
бабушек.

Мне кажется, кто-то сумел остановливать
время,
и мы не стареем, хотя становимся старше.
Хотя столько пройдено, вброд и против
течения, -
будто не лет, а целых тысячелетий.

И вот тяжелее шаг,
уже хуже зрение,
руки в морщинах,
а сердцем -
всё те же дети.

**Евгений КАПУСТИН, Санкт-Петербург,
финалист.**

РЕКВИЕМ

Только радости в жизни – уметь дышать.
Только радости в боли – уметь молиться.
И не верит в рай ни одна душа,
Лишь пока сама не взлетит как птица.
И не хватит воздуха в кулаке,
И не хватит сердца для каждой битвы;
И уходят лучшие налегке
Нарекать собою кресты и плиты.
Только нет покоя для тех имён,
У которых голос навеки сорван...
И узнаем цену в конце времён
Тем, кто сам себе ни орёл, ни ворон.

ДОРОГА ДО СМЕРТИ

Когда-то сиреневый, гаснет во мгле экран.
Я знаю, что будет; но кто объяснит,
что есть?
Всегда одинокий, приходит домой тиран,
Когда у него в стране «36,6'».
Когда-то сиреневый, гаснет во мгле закат.
Опять беспощадно осколками бьют часы.

Мой внутренний голос себе повторял
стоكرат:
Дорога до смерти короче её косы.

ЖЕНЩИНА-РУСЬ

Растекается медь колокольного звона...
Растекается золото ранней зари...
Небеса на земле – человек и икона...
Где-то ангел стоит у двери.
Это женщина-Русь, это север бездонный,
Это рай, где встречается дух с красотой.
Это ветер застыл, в облаках растворённый,
Перед светлой и мудрой мечтой.
Что в глазах у неё? И покой, и усталость,
И от мира, и к миру стремящийся свет.
И в любви этой женщине Небо призналось.
Так сбывается то, чего нет...

**Евфросиния КАПУСТИНА,
Санкт-Петербург, лауреат в номинации
«Стихи о войне».**

РАДИО БЛОКАДЫ

Памяти О. Берггольц

Метроном, словно пульс на запястьях
судьбы,
Там часы темноты, заведённые мраком.
И усопших родня не положит в гробы,
Там, где теплится жизнь догорающим маком.
Где художница-смерть завершает штрихи
На картине – заказе из самого ада,
Там по радио в полдень читают стихи
Так, как будто не душит за горло блокада.
Впалой грудью едва уже дышит Нева,
Волны лижут голодной водой парапеты.
С постаментов глядят два измученных льва,
Память пишет ушедших немые портреты.
А по радио в полдень читают стихи,
Под седьмую симфонию. Ветром отпеты.
Словно шелест листвы робкой чёрной ольхи,
Невесомостью губ неземные поэты.

БЛОКАДА

Метрономом стучала кровь
В истончённой коре висков,
Сердце билось... мы живы вновь
Среди льда и огня тисков.
В жалких крошках – надежда... Жизнь!
Гул подстанции - словно гимн:
В нём лишь слово одно – «Держись!»
Путь по Ладогe... Путь к своим.
Смерть руками, пером детей...
Немы сводки родных потерь...
Боль на сердце ещё острее,
А метель завывала: «Верь!».
Ветер Балтики... Эшелон,
Разрубивший блокады стан...
Город выжил, хоть был лишён
Всей надежды... Но не был сдан.

Анастасия КИНАШ, Белгород, финалист.

ДЕСЯТАЯ ЖИЗНЬ

Моя кошка больше не ходит в дом,
Засыпает где-то в цветах, внизу.
И напев зелёных кошачьих снов
Освещает сонную стрекозу.
Опадают звёзды в закисший пруд,

Птичья тень проносится вдоль стены.
Мыши в доме шепчутся, пол скребут,
Одурев от вяжущей тишины.

Моя кошка больше не ест, не пьёт,
Она стала старше подземных рек.
У неё в зрачках - золотистый лёд:
Мол, напрасно смотришься, имярек!
Ничего не ясно. И тем честней
Изнывать от страха. Вся правда – дым...
Моя кошка стала совсем ничьей,
Как церковный звон, как утиный клин.
Над забором хлипким - ночной обрыв,
Пёс соседский в будке трёт лапой нос
И скулит тихонько, себя забыв...
У кометы в небе - кошачий хвост.

Далеко мои братья, они не вернутся назад.
В белизне облаков ни знамений, ни знаков
не вижу.
Босоногие девушки давят тугой виноград,
Море каждую ночь подползает к деревне
поближе.
Море каждую ночь оmyвает измученный
пляж,
Море тянет тепло из песка в голубые
глубины...

Я последняя здесь. Самый древний
хранитель и страж.
Далеко мои братья, и мне не угнаться
за ними.
Далеко мои сёстры, они не подсядут к огню,
Не распустят, смеясь, золотистые мокрые
косы.
Я не помню их лиц, я не помню,
кого я храню,
Солны мои сны, и молитвы мои безголосы.
Уже много приливов никто не заходит в мой
дом,
Не приносит мне бусы из перьев, не ищет
совета.
Когда я догорю, кто придёт из тумана
потом?
Далеко мои сёстры, от них не дожждаться
ответа.
А над хижинной звёзд - бесконечная яркая
зыбь.
Я даю имена этим звёздам, вплетаю их в
память.
Души здешних людей после жизни
вселяются в рыб
И в сетях человеческими смотрят живыми
глазами.

Я люблю это место. Я знаю здесь всё
наизусть.
Каждый звук, каждый парус и след на
песчаном покрове...
Далеко мои братья и сёстры. Я к ним
не вернусь.
Есть родство, что в нас бьётся, отзывчивей
голоса крови.

Дышит в затылок девочка-семилетка,
Куцые косы,
Выцветший сарафан.
- Что тебе, мелочь, надо?
Молчит.
- Конфетку?
- Дай посмотреть на птичку.
Молчу.
- Не дам.
Старая кошка лижет больную лапу,
Тени ползут по пыли.
Даваясь комком, девочка по-щенячьи
решает плакать:
- Тётя, ну дай хотя бы одним глазком!
Хоть на минутку дай подержать в ладони
Хрупкое тельце, белый пушок крыла...
Сердце стучит,
Будто стучат вагоны.
- Поздно, - скриплю. - Девочка, умерла.

Петь перестала,
Пить перестала воду,
Зёрна клевать забыла, без сна дрожа...
Птица моя узнала крылом свободу,
Жёлтые россыпи звёздного витража.
Нет ничего больше во мне такого,
Что бы меня оправдало потом,
В конце.
Девочка жадно слушает.
Щиплет слово,
Каждое слово - влагою на лице.
Девочка мнёт подол голубой беззвучно,
Чёлку кривую, щурясь, сдувает с глаз:
- Тётя, ты знаешь, там ей намного лучше,
Все наши птицы там ожидают нас.
Небо асфальт двора красным зноем
плавит,
Чей-то ребёнок ищет в траве жука...
Детство всегда страдает и плачет с нами,
Птица всегда ныряет за облака.

**Марина КРУТОВА-КУЛИНИЧ, Тверь,
дипломант.**

ЛИСТЬЯ

Золотыми словами осени
Липы спорят о пустяках.
Облака сизых птиц подбросили
И, поймав, понесли в руках...
Дни ложатся, как листья в лужицы,
И теряют былой окрас.
В венском вальсе планета кружится,
Пригласить забывая нас.
И летят, как листва, мгновения –
Мы пускаем их с молотка.
От рождения до забвения –
Жизнь пугающе коротка.
Разномастные, разноликие –
Листья ветер сорвёт опять...
Мы не станем с тобой великими,
Но достойными можем стать.
Дни на тонких ветвях не держатся,
Сколько ни повторяй: «Держись!..».
Скоро дворник пройдёт под деревцем
И сметёт их в охапку «жизнь».

Умеет осень без труда
Давить на жалость:
Ладонь кленового листа
К стеклу прижалась.
Туман улёгся на траву
Намокшей ватой.
И ветер хрупкую листву
Метёт куда-то.
И нас метёт по всей земле...
Куда? Не знаю.
Тот лист кленовый на стекле –
Душа резная.
Мы смотрим в окна – там тепло:
Каминов алость.
Нас отделяет лишь стекло –
Такая малость!
Картинок видим череду –
Чужие судьбы.
И по тому, что на виду,
О счастье судим.
Мы, позавидовав другим,
Своё не ценим.
И вновь, как листья, прочь летим
К туманной цели.
Но жизнь чужая нелегка,
Хоть сахар с виду.
Чтоб не остаться в дураках –
Не позавидуй.

Может, дворник заболел гриппом
Или снова в руки взял стопку:
За ночь сбросили листву липы,
И теперь не тротуар – тропка!
Серый ветер шелестит грустно,
Паутинок промелькнут нити...
Лист иссохший под ногой хрустнул
И рассыпался, но кто видит?
Замечаем то, что нам ближе,
И не смотрим на других вовсе.
Нами что-то изнутри движет –
Переждать бы, пережить осень...
Вдаль отчалить, только кто пустит?
Листик в луже – вот моя лодка!
Ветер улицу метёт с грустью...
Дворник снова заболел водкой.

Вечер погряз в тумане –
Солнце прожжёт не скоро.
Кошка идёт по грани
Старенького забора.
Все мы идём по краю
Жизни такой привычной.
В прятки с судьбой играем –
Прячемся за двуличьем.
Кто-то сорвётся камнем,
Кто-то – другого сбросит.

Кто-то, взмахнув руками,
К небу взлетит без спроса...
Жизнь проживаем вкратце –
Что же ещё нам делать?..
Кошке легко сорваться:
Жизней у кошки - девять.

Мечтает девочка о том,
Чтоб ей на маму стать похожей.
И, каблук надев с трудом,
Наносит густо крем на кожу.
В шкатулке бусы отыскав,
На шею вешает в два ряда.
И, перемерив мамин шкаф,
Малышка так по-детски рада!
Достав помаду втихаря,
Добавит штрих прекрасной даме.
И, гордо в зеркало смотря,
В себе увидит облик мамин.
А после, много лет спустя,
Перебирая украшенья,
В настенном зеркале, грустя,
Увидит маму в отраженье.

Вы видели глаза у стариков?
Воды прозрачной чистые озёра!
И лучики морщин от берегов
Бегут к щекам затейливым узором.
Дрожит вода... В ней жизнь отражена,
Но разгадать её отнюдь не просто.
Кому-то мудрость с возрастом дана,
Кому-то – лишь предчувствие погоста.
Одни прожили сложную судьбу,
Но их улыбка новый день встречает.
Другие, складки двигая на лбу,
На жизнь, на мир и на детей серчают.
Не мне судить их души на весах –
Другой Судья проявит неподкупность.
Ведь неизвестно, что в моих глазах
Увидят внуки – пустоту иль мудрость?

Марика НОВА, Москва, финалист.

РАЙ

Ограда из молний. Дорожка ведёт к садам.
У калитки надпись: «Добро пожаловать
в май!».

«М» перечёркнута, и приписана «Р».
И голос сверху: «Вы уж простите, мадам!
Ангел, писавший это, такой раздолбай...
Да проходите, ma chère!».

Прохожу. Яблонь в саду – сортов пятьдесят.
Яблоки зреют тяжёлые, как планеты.
«Да Вы угощайтесь!». Но я не лох,
Говорю: «Спасибо, знаю: нельзя».
«Про нельзя – это выдумки человека», –
Усмехается голос.
«А Вы кто?».
«Бог».
У ограды мычит корова-единорог,
И голая баба её, как собачку, тискает,
А рядом – голый парень в тени ветвей.
«Это Адам и Ева, – знакомит Бог. –
Живут с постоянной пропиской».
«От кого же люди пошли?».
«От змей».
Дальше – больше. За садом течёт песок,
Там у самого кружева моря поставлен трон,
И сидит-рыбачит седой,
Небритый и без носок
Император Нерон
Вместе с живой женой.
А неподалеку другая Ева играет в гольф –
Одета в стиле винтаж,
Манерна, как «ох» и «ах»,
И здесь же мужик её, Гитлер Адольф,
Рисует морской пейзаж
В нежных тонах.
У меня, понятно, от шока нет и слов.

А Бог мне тихо шепчет из-за кустов:
«Вы не подумайте, милая, я не тюфяк.
Я ежедневно сжимаю себя в кулак,
Чтоб не разделаться с ними всеми.
Я бы немца молнией - прямо в темя,
А потом бы долго варил в котле
На среднем огне.
А с рыбака бы соскрёб потихоньку кожу,
Потешаясь, как он орёт: «О, Боже!».
Лишил бы его ногтей, зубов и глаз.
Я об этом думаю очень часто.
Как вы о еде – практически ежечасно.
Если б мог, никого б не простил, не спас...

Только чем бы тогда я был лучше вас?».

ЧЕЛОВЕК

И вот, что ни год, что ни век,
Здесь сосны, как избы, скрипят
О том, как здесь жил человек,
Который погиб за меня.
Он полз под коричневым льдом,
Он болью стирался о грязь
За тех, кто рождается потом.
Случилось, что я родилась.
«Бежать бы... – ревел, – и... домой...
Залечь, как копейка на дне...».

Но он, совершенно чужой,
Хотел продолжаться во мне.
И стон остывал на ветру –
На рёбрах обглоданных шпал
За вкус шоколада во рту
Моём человек погибал.

Елизавета ПАНКОВА, Москва, финалист.

И ЖИТЬ ТОРОПИМСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИМ...

И жить торопимся, и чувствовать спешим,
Не замечаем, что вокруг творится.
Нам постоянно надо торопиться –
Мы от всего прекрасного бежим.

Бежим улыбок, слёз, любви и веры,
Не замечаем чувств других людей.
Стараемся все сделать побыстрее,
В добре и зле совсем не зная меры.

Не видим блеска глаз, не слышим смысла
слов,
Не понимаем, что искусственно, что вечно;
Забыли, что такое человечность,
Не знаем честности и доброты основ.

Сменяются дни, месяцы, недели,
А мир иной так в сердце глубоко...
Там свет и Бог, и дышится легко,
И время капает сквозь ветви снежных елей.

МИР КАЖЕТСЯ СВЕТЛО-СИНИМ...

Мир кажется светло-синим,
Серым и всеми забытым,
Мир кажется невыносимо
Вдоль-поперёк избитым.
Израненным и изувеченным,
С раной, открытой вечно,
Станным, чудаковатым,
С запахом леса и мяты,
С запахом моря и неба,
Соли и взбитой пены.
Миром обетованным,
Сказочным и желанным
Зиждется это время;
Мир для него - знамя,
Мы для него - семя.

БЫВАЕТ ТАК

Бывает так:
Холодный чай
И чашка грязная на блюде.
И хочется так невзначай
Переродиться, встрепенуться.

И сливок нет,
И молока -
Что за напасть?! Одни несчастья.
Так явно хочется туда,
Где чувства счастливы в
бесстрастье.
Корица, мёд,
Имбирь горчит
И горкостью своей кичится.
Так мир из года в год живёт, -
И тут уж нечему дивиться...
Бывает так.
Привыкнем мы.
Помоем чашку, уберёмся,
И, благодарные судьбе,
Переродимся, встрепенёмся.
Холодный чай?
Какой пустяк!
Захочешь - можно сделать новый.
А жизнь горчит - бывает так,
Ведь вкус её совсем особый.
Окно открыто,
Настежь дверь:
Дорога в новые безумства.
А где-то там почти апрель,
И из бесстрастья чувства рвутся...

**ПОЛА, Саранск (Мордовия),
финалист.**

Они выползают на берег-март,
ложатся в его ладонь.
На стуле распято висит халат,
на кухне горит огонь.
А по карнизу стучит вода,
льётся молочный дым.
Он говорит, что ещё никогда
не был таким живым.
Он говорит, а она молчит,
красит помадой рот.
Луч освещает их скромный быт -
утренний натюрморт.
На баррикадах сырой весны -
солнечный мёд. И снег.
Сегодня они бесконечно честны
и точно счастливей всех.
Сегодня они выпивают март
и курят его в затылок,
и простынь, в которой они лежат, -
самый волшебный флаг.
Так она гладит овал плеча
и камень сухого лба,
пока остывает на кухне чай
и ноет её губа.

Так у него не хватает сил,
чтобы надеть пиджак.
Он никогда ещё не любил,
чтобы вот так...
Вот так.

Мы воевали друг с другом несколько лет
и зим,
В спальне рвались снаряды, на кухне
клубился дым,
Мы мастерили бомбы из желчи и глупых
слов,
Звенело стекло и посуда, в окопах чернела
кровь.
Мы плакали и курили, когда замолкал
обстрел,
И к нам приходили гости, и чайник опять
кипел.
Но беды неслись по кругу: измена, вино,
скандал.
И в огненном танке быта никто уже не
дышал.
На наших вещах и фото - столетняя пыль
и прах.
Никто никому не пишет, но снится в
кошмарных снах.
Солнце штурмует квартиры, пытаюсь кого-то
спасти.
Никто никому не пишет единственного:
«Прости».

ИНЬ И ЯН

Если любовь - это сказочный дар,
Каждый из нас одарённый от Бога.
В сердце несёт за собою пожар
Каждый, шагая свою дорогой.
Если любовь - это дьявольский пир,
Каждый из нас при рождении проклят.
Каждый в душе и войну, и мир
Носит. Босыми ногами по стёклам...
Если любовь - просто на просто жизнь,
Каждый из нас - инь и ян по природе.
За руку тихо родную держись...

Каждый из нас - любовь в своём роде.

**Марина ЧУДИНОВА, п. Рассолёнки,
Пермский край, обладатель спецприза
жюри.**

А мне так нравится
Читать твоё: «Привет!»,
Весенним днём
Вдыхая лёгкий запах снега
В твоих глазах
Искрится свет,
В душе моей -
От света нега.

ГОРОД

Этот город тяжестью дышит,
С утра до ночи шумит.
Этот город, моё сердце не слышит,
«Тише-тише» - ему твердит.
Город забирает моё вдохновенье,
Отдавая мне грусть и мрак,
Как же хочется на мгновенье
Окунуться в творческий кабак.

**Олеся ШИКИТО, Чулым
(Новосибирская обл.), финалист.**

Станем старше... Разучимся верить
в любовь.
От неё - аритмия и учащение пульса.
Станем старше... Забудем разбитую бровь,
Синяки и ушибы, что щедро дарила нам
улица.
Позабудем короткий и ливневый май.
И цветы, что украдены из соседского сада.
Станем старше... Ты тоже меня забывай...
Время-ластик... Стирай. Больше помнить
не надо.
Станем старше. Попробуем бросить курить!
Очень вредно и, кстати, не модно, пожалуй.

Мы украдкой с тобой начинали дымить,
Прячась в тени деревьев того же соседского
сада.

Станем старше... Разучимся верить в мечту,
И теперь, задувая свечи на торте,
Загадаем привычную всем ерунду,
Зная, что не сбывается. Больно и горько.
Станем старше... Утратим наивности пыл,
Веру в вечное счастье и чудо.
Станем старше... Так хочется, чтоб ты
забыл...

Хоть я помню... И помнить буду!

* * *

Больнее не будет.
Февраль - как пощёчина.
Рукой по губам.
Не больно. Привычно.
Душа не зажившая
Снова расчёсана.
Я - дура. Ты - умный.
Всё, как обычно.
Больнее не будет.
Уже за порогом
Я вновь оглянусь,
Прищурив глаза.
Наш мир перевёрнут.
Ты только не трогай,
Руки обманут.
Ты не досказал...

Больнее не будет.
Куда уж больнее?
Давай остановим
Приход февраля.
Я знала, конечно,
От счастья - глупеют,
Но, чтобы так?!
Но, чтобы я?!
Больнее не будет!
И, силы растратив,
Барьер одолев,
Я тихо вздохну.
И чёртову молнию
На синем платье,
Глядя в глаза тебе,
Расстегну!

**Андрей ШУРЫГИН, Йошкар-Ола
(Марий Эл), финалист.**

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

По холмам задремавшей Отчизны,
По следам миновавших времён,
Как неведомый отрок, по жизни
Скачешь ты, в Русь былую влюблён!..
Кротко шепчутся ивы над кручей,
Всадник вдаль унесётся, резвясь, –

Это самая-самая жгучая,
Это самая смертная связь!..
Оттого ли во мгле леденящей
Замерцала над полем звезда,
Что над Родиной тихой и спящей,
Оказалось, светила всегда?..
Неизбежность мелодии грустной
Сосен шум безутешно хранит...
Опустел без тебя север русский,
Головой сиротливо поник...
И во власти морозов крещенских
Остановится времени ход –
Север русский, седой, деревенский
Успокоит тебя, отпоёт...
Одержима бессмертною силой,
Полыхая на небе огнём,
Загорится звезда!.. То Россия
Вспоминает о сыне своём...

Я ПРЕДЧУВСТВОВАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я предчувствовал первый снег,
Как движенье судьбы немой,
Что застыла в осеннем сне,
Повстречавшись с седой зимой...
Я предчувствовал первый снег,
Лихорадочный бег времён,
Что несутся из века в век
В беспорядочный марафон...

Снова осень теснит зима,
Словно просится на ночлег –
И по новой сходить с ума!..
И по новой пуститься в бег!..
А я чувствовал первый снег,
Бесконечных снежинок рой,
Что в податливой тишине
В душах наших летят порой...
Я предчувствовал первый снег,
Как спасенье любви большой,
Той, что в сказочном зимнем сне
Породнится навек с душой...

ДЕВОЧКА И ГОЛУБЬ

Племяннице Анюте

Под дождём на озябшем бульваре,
Среди лиц, то одних, то других,
О заботах на миг забывая,
Голубка ты кормила с руки.
Словно мама заблудшего сына,
Голубка с перебитым крылом
Возвращаться как будто просила
В свой уютный, приветливый дом!
Ничего, что ты в школу не хочешь:
Уж не тем занята голова!
Теплокровный пернатый комочек
Жадно хлебные крохи клевал...

Ничего, что к встревоженной маме
Опоздаешь на пару минут,
В оправданье проямлишь упрямо:
«Я была... совсем... рядышком! Тут!».
В суете равнодушного мира,
Что лениво глазел свысока,
Ты так бережно, нежно кормила
Не умевшего жить голубка!..
И, казалось, куда б ни взглянул я,
И какой ни прошёл стороной,
Вдруг услышу опять: «Гули-гули,
Кушай, птенчик мой, кушай, родной!».

ЮНОШЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Зарина БИКМУЛЛИНА, Казань, лауреат.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Решено. Устроюсь работать на почту.
Из окошка гнусавить чтоб си-бемольно,
Уходить на обед по-швейцарски точно,
Возвращаться с обеда по-русски вольно.
И вскрывать – без света, в подсобке –
письма:

Всё равно же с почты никто не взыщет.
По кусочкам читать про чужие жизни,
Как у Андерсена: сказка в пламени спичек.
Зарисовки, скетчи, эскизы, картины
Доставать из безликих белых конвертов.
Не понравится что-то – скормлю камину,
Покараю за робкий безвольный почерк.
Только держится «ук» за плечи двух
«твёрдо»,

Потому что я тут, а музей – не очень.
И глумливы марки. И цветом клюквы
Прорывается в крик и бумагой режет
Вороватые пальцы. На грани между
«упаковывать мир в угловатые буквы»
И «засовывать в ящик Пандоры надежду».
Но второе, впрочем, всё-таки реже.

Не извольте перечить почтовым стандартам.
Драгоценное имя пишите справа.
А конвертам тоже одна забава –
Прижиматься страстно к копеечным маркам,
Дождаться, пока выводить закончат
Адресата, индекс, цвета горизонта.
Уходить в темноту по-английски, молча,
Падать в ящик, на дно, по-богемски звонко.
Им-то что? Почтовой романтики вальсы.
Мне – в холодной подсобке нервное скерцо.
Виноваты, конечно, замёрзшие пальцы.
Мне простят, что я одолжила погреться?
Догорает спичка. Чернеет стержень.
Не боюсь кредитных ставок и чисел.
Потому что знаю: обид не держат
Те, кто, годы спустя, ожидают писем.

ТЕРМОРЕГУЛЯЦИЯ

Мне тепло. Я в пальто и шапке.
Шею шарф шерстяной обвил.
Холод слишком слабый и шаткий:
У него слишком мало сил.
Мне тепло. Я закрыла окна.
Холод где-то снаружи ждёт.
В толстых варежках руки мокнут:
Превращается в капли лёд.
Мне тепло. Я в горячей ванне,
А мурашки по коже - вздор.

В вечер тёмный, хотя и ранний,
Выхожу в пустой коридор.
Тёплый чай с имбирём и перцем,
Старый томик, уютный плед.
Успокойтесь, товарищ Герцен,
Виноватых на свете нет.
Я не верю в изломы линий,
В череду пешеходных полос.
Только белый прозрачный иней
Тает нитью среди волос.

ТЯГОТЕНИЕ

*Моему любимому
художнику, Рене Магритту.*

Так черепицей линяют дома –
Крыши чешуйками падают вниз.
Сын человеческий сходит с ума
На заржавевший карниз.
Яблоки в окнах, на крышах – везде,
Пеной забрызганы «верить» и «знать».
Сын человеческий в тёплой воде
Хочет пятно отстирать.
Трубка, не трубка, это не то,
Яблочный запах – на выдох и вдох.
Сын человеческий в чёрном пальто
Молча встаёт на горох.

Приторным соком город облит –
Яблоки режут на несколько глав.
Были не правы Ньютон и Евклид.
Первый – так точно не прав.
В блеске росянки, но не росы
Ход прорывает в Нью-Йорке Бродвей.
Сын человеческий бреет усы
Вплоть до ресниц и бровей.
Август, шестое. Прелестная тьма
Тонкие пальцы кладёт на глаза.
Сын человеческий сходит с ума
На Ленинградский вокзал.
Яблочный запах проходит насквозь,
Сын человеческий тянет ладонь.
Вроде бы «–то». Ощущается – «ос'–»,
Так промерзает огонь.
Яблоки всюду – на коже реклам,
В склянках пузатых духов – или дух?
Сахарный плод он подносит к губам,
В мыслях считает до двух.
В мышцах – железо, в костях – цианид,
Воском по коже – защитный налёт.
Воздух, похоже, меняет свой вид:
Десублимирован в лёд.
Мёрзнет в артериях яблочный сок,
Льдинки сосуды рвут изнутри.
Сын человеческий, сняв котелок,
Вслух произносит: «Три».

**Екатерина ИГНАТОВИЧ, Столбцы
(Минская обл., Беларусь), дипломант.**

ПЛАМЯ ВЕЧНОЕ, ИЛИ ЛЕГЕНДА О ГОРОДЕ

На месте города, в котором
Я жарким летом родилась,
В неведомые людям поры
К сини небес трава рвалась,
Стояли в тёмных рясах ели,
Берёзки-сёстры, глядя ввысь,
Держались за руки, шумели,
Как люди, прославляли жизнь.
В густой тени дубов и сосен
Стоял заброшенный пустырь.
Там местный князь однажды в осень
Построил чёрный монастырь.
От зла и ветра укрывали
Деревья жизни светлой нить
И тех, что всей душой желали
Святому Господу служить.
И жили, позабыв про страхи,
Волненья, страсти и людей,
Там одинокие монахи -
Творцы незыблемых идей.
Мужчины эти умертвили
В сердцах житейские нужды,

Мирские тяготы забыли,
Гнев, счастье были им чужды.
Простые люди очень редко,
Но навещали мрачный дом,
Над коим в день шептались ветки,
А ночью выл деревьев сонм.

**Арина РЕШЕТНИКОВА, Салават
(Башкортостан), дипломант.**

Добрый вечер,
Я вновь беспечен,
И ты, впрочем, тоже.
Красивые речи,
Горят белые свечи,
Мурашки по коже.
Люди бесчеловечны,
Говорим мы о вечном,
На нас так не похоже.
Люблю твои плечи,
Теряю дар речи,
Ничто не поможет.
И сердце мне сжечь бы,
И чувства не вечны,
Любовь твоя - тоже.
На дно мне залечь бы,
И боль будет жечь мне,
Душу не спасти мою всё же.

**Анастасия ФАБАРОВСКАЯ, п. Кормовище
(Лысьвенский округ, Пермский край),
дипломант.**

Музыка. И сон. Музыка во сне.
Крыши. Мимолетная прохлада.
Тихо. Отражение в воде.
Шёпот от течения водопада.
Небо. Облака, как острова.
Солнце. Долгожданно дуновенье.
Ветер. Еле слышная молва,
Шумно и воздушно настроенье.
Странность. Непонятность и печаль,
Нужное, родное пониманье.
Сине. Голубеющая даль.
Краткое, но ёмкое прощанье.
Жизни непростая седина,
Мудрость. Молодая неизбежность.
Мудрая и вечная искра?
Юная и ветреная нежность?
Письма. И белеющий конверт.
Письма и записки через годы.
Мы - стареем. Память многих лет,
Вечная загадочность природы.
Фрукты. И весенние ручьи.
Мелочи, копеечки по жизни.
Лёгкие, играющие сны,
Спелые, насыщенные вишни.

Сливы - орхидеей средь листвы,
Розы непростительно красивы.
Скромные, но добрые цветы,
В поле, отдыхающем на мили.
Смех. Улыбка. Лёгкость. Теплота.
Знойные букеты из душицы.
Светлые и мудрые сердца.
Стая. Улетающие птицы.
Строчка. И какая-то тоска,
Может, и невидная другому.
Ласкова и веряща строка,
Ландыш. Двор. Земля родного дома.
Музыка. И сон. Музыка во сне.
Радость, грусть и жизненные взгляды.
Музыка во сне. Музыка в тебе,
Посреди заснеженного сада.

ДЕТСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Илья ВЫГОВСКИЙ, Владивосток,
дипломант.

НАШ ОБЩИЙ ДОМ, ЛЮБИМОЕ ПРИМОРЬЕ.

Родимый край,
Любимое Приморье!
Богатая и щедрая земля.
Морская гладь, равнины, реки,
взгорья,
Всё это ты, о, Родина моя!
Здесь водится трепанг
И рыбам в море тесно.
Здесь хитрый леопард
Добычу сторожит.
Таинственный женьшень
Облюбовал здесь место.
Кравцовский водопад
С отвесных скал бежит.
Со всех концов земли
Сюда съезжались люди,
Чтобы остаться здесь,
Работать, строить, жить.
Теперь для них Приморье
Щедрым домом будет.

Дома здесь будут строить
И детей своих растить.
Торгует армянин
И строит молдаванин,
Литовец в море тянет
Сетью свой улов.
Кореец - на полях,
И за рулём - татарин.
А вот в своём шатре
Узбек готовит плов.
Родимый край,
Любимое Приморье!
Богатая и щедрая земля.
Всех обогрела ты
Своей большой любовью.
Милее места нет,
Чем Родина моя.

**Александра КЕРОВА, Лысьва
(Пермский край).**

КАК ХОЧЕТСЯ КРИКНУТЬ...| #стихо_пост

Как хочется крикнуть: «Всё к чёрту!».
Пойдём
С тобой погуляем по крышам,
И в небе мы сотни созвездий найдём,
Взбираясь всё выше и выше.

У каждого на лбу стоит: «Всё сложно»,
У каждого в любви: «Ой, не тебе!».
Мигает лампа, траурным запоем,
Из горла рвётся безобразный стон.
Мы эту дверь однажды не откроем:
За нею - ад, на ней лишь слово «Дом».

Юлия КОМАРОВСКАЯ, Пермь, лауреат.

СВЯТАЯ РУСЬ

Чудес на свете много – ну и пусть!
В чужом краю и красота чужая...
Для русичей земля родная - Русь:
Великая, былинная, святая.
Немало испытаний довелось
Изведать в жизни русскому народу,
Но на колени, что бы ни стряслось,
Русь не вставала и не встанет сроду.
Нет силы, чтоб её поработить,
Никто её свободу не порушит,
Никто её не сможет победить
Ни в воздухе, ни в море, ни на суше.
Богатыри, дружинники, цари,
Князья, и полководцы, и солдаты
Крепили Русь, спасали, как могли,
От гибели её хранили свято.
Не знаем сотой доли мы того,
Что сделали былые поколения,

Но реет флаг российский высоко,
Благодаря их доблестным свершениям.
Теперь уже и нам пришла пора
Для Родины достойно потрудиться,
И нашими делами пусть она
В веках перед потомками гордится!

СИМВОЛ РОССИИ

- Какое дерево красивей всех на свете?
- Берёзка, - прошумел в ответ мне ветер. -
Свисают её веточки дугою
И шелестят кудрявою листвою.
- Берёза краше, - солнце просияло. -
Угрюмой она сроду не бывала,
От тоненьких берёзок белоствольных
Становится мир светлым и спокойным.
- Берёзка лучше, - прошуршали травы. -
Когда в лесах случаются пожары,
Берёза первая растёт на пепелище,
Под ней и мы клочок земли отыщем.
Пропели птицы: - Где б мы ни летали,
Берёзку милую повсюду вспоминали -
На ней так любим отдыхать, гнездиться,
Серёжками сухими угоститься.
И люди чувств к берёзе не скрывают,
Её в России символом считают
Земли родной и русского раздолья:
Растёт она в лесу, у дома, в поле...

Ответов много, все они похожи,
Но вывод нужно сделать. И какой же?
Как нет цветка красивее, чем роза,
Нет краше дерева, чем русская берёза!

О ЧЁМ ПОЁТ ТРЕВОЖНО СОЛОВЕЙ?

О чём поёт тревожно соловей?
О том, что уже много-много дней
Деревья пилят, рубят, и кругом
Не лес, а пустошь, покати шаром.
О чём щегол взволнованно свистит?
О том, что техника повсюду тарахтит
И скоро не останется под ней
Ни листьев, ни травинок, ни стеблей.
О чём ворона жалобно кричит?
О том, что воздух химией горчит,
И свалки мусора чернеют там и тут,
Не уменьшаются, а каждый день
растут.
О чём птенцы чирикают с утра?
О том, что новый дом искать пора,
На старом месте жить уже нельзя,
Здесь люди птицам больше не друзья.
Найдётся ли на свете уголок,
Куда добраться человек не смог?
Где птицам на природе будет рай –
Лишь гнёзда вей да песни распевай.

ОТЕЧЕСТВА СВЯЩЕННАЯ ПАЛИТРА

Сборник стихов победителей
XIV открытого конкурса имени
Поликарпа Ивановича Шестакова.

Редактор-составитель – Игорь Михайлов.

Компьютерная вёрстка – Светлана Кузнецова.

Фото – Андрей Гороховцев.

Обложка – Алексей Наймушин,
Игорь Михайлов.

Отпечатано в ООО “Издательский дом”, г. Лысьва,
ул. Металлистов, 1. Заказ ИД533. Тираж 300 экз.

